

МАКСИМ ВАСЮНОВ

КУТИГА

ПОВЕСТЬ

Этой ночью в Оренбургской области ожидается ухудшение погоды. Прогнозируется сильная метель и резкое похолодание. Порывы ветра могут достигать 25–30 м/с. Температура от –20°С до –25°С. Местами до –30°С. Жителям региона рекомендуется отказаться от дальних поездок.

Экстренное предупреждение МЧС

Вторая ночь нового года уже крепко спелась с морозом, когда у Аси участились схватки. Опытная крёстная поняла — до утра не продержится. Сходили за фельдшером, та велела искать машину до ближайшей больницы: своей “скорой” здесь отродясь не бывало.

Глубоко засевавшая где-то между бескрайней степью и пологими холмами Уральских гор деревня Варино храпела пьяным сном. Найти человека, который согласился бы в такой час и в такой мороз везти молодую казашку в больницу, — всё равно что бегать по заснеженному лесу в поисках земляники. Но Фариза, приехавшая к сестре и крестнице на праздники,

ВАСЮНОВ Максим Александрович родился в 1988 году в Нижнем Тагиле. Выпускник факультета журналистики Уральского государственного университета им. М. Горького. Телевизионный журналист, автор и режиссёр документальных фильмов (в том числе о писателях — “Чехов Интерстеллар”, “Доктор Пауст”, “Деревенский Данте”), публицист (“Православие. Ру”, “Российская газета”, “Год литературы”), главный редактор издания “Вера молодых”. Лауреат и призёр литературных конкурсов, участник Форума молодых писателей России, стран СНГ и Европы (Ульяновск, 2018). Публиковался в журналах “Урал” и “Крым”. В 2019 году вышел дебютный сборник его стихотворений “От стрекозы до луны”. Живёт и работает в Калужской области.

не позволила себе думать о плохом и, наскоро одевшись, побежала по деревенским улочкам стучать по стылým воротам и окнам.

Сперва Фариза завернула к знакомым, многодетной семье, чей отец только два дня назад возил Асю в медицинский кабинет. Тогда девушку вернули домой — срок ещё не подошёл.

В двухэтажном деревянном доме, натопленном так, что в плинтусах даже мыши не царапались, разморенные жаром, раздавался покойный мирный свист взрослых и нежное посапывание ребятни. Женщине повезло: в тот момент, когда она, маленькая, в долговязых валенках, окутанная пуховым платком, подошла к крыльцу, за дверями послышался шорох. Фариза, не мешкая, постучала, даже сняла варежки, чтобы стук был не глухой, но тут же пожалела — удары костяшек об лёд съедала густая ночь. Немного подождав, осторожно потянула двери на себя. Натужно скрипнуло, в проёме под тусклой лампочкой показалось лицо незнакомой старухи. Седые расчёпанные волосы, обвисшая кожа, тонкие губы, замызганный халат... Кто бы это мог быть, соображала гостя; она не помнила, чтобы в этой семье жила чья-то мать. Но знакомиться нет времени.

— Бабушка, позовите Колю, я от соседей. Фариза я, у нас беда, Ася рождает, — выпалила гостя.

— Нечо куда ехать, — проскрипела старуха и захлопнула дверь.

От неожиданности казашка вскрикнула и сделала полшага назад. Она ещё только собиралась сказать про поездку, а тут её опередили и как опередили!

В следующей и потом ещё в нескольких избах никто не откликнулся, как Фариза ни колотила по дверям и окнам, и как ни кричала в замочные скважины и в заделанные мхом щели оконных рам. А между тем мороз люто захватывал несчастную с головы до ног, пробирался через одежду, доставал до самой крови, которая стыла от его касания, как девушка на первом свидании. “Шайтан!” — злилась Фариза на мороз и из последних сил бежала по потёмкам от одного двора к другому. Так она добралась до дома Сергея Ивановича, который совсем недавно, но уже в прошлом году, забирал её с железнодорожной станции в часе езды отсюда. Это сестра Фаризы попросила соседа съездить за родственницей. Та потом долго ругалась: “Обязательно тебе надо было обеспокоить большого человека?!” “Хороший человек, безотказный”, — оправдывалась сестра.

Сергей Иванович Вележев работал в районной сельской школе электриком и по совместительству учителем ОБЖ. В молодые годы он добирался до работы пешком — от Варино до райцентра шесть километров. Но вот стукнуло электрику 55, и будто рубеж какой перешёл — осунулся, постарел, поседел, огонёк из глаз как чёрт украл. В родную школу он теперь ездил на своей старенькой “Ниве”.

Угасание Иваныча заметили на селе, об этом сочувственно судачили и всё гадали, отчего такое приключилось? Никак рак? Али ещё беда какая?

Фариза знала о напастях Вележева, но сегодня, во вторую ночь нового года, когда убитыми спали все деревенские мужики, больше бежать было не к кому. Вележев только-только уснул, до этого все маялся в постели: вспоминал свою покойницу-жену, думал о дочерях, уже замужних, уехавших в Оренбург ещё до смерти матери. Они обещались на Новый год, но в последний момент старшей удалось купить задаром путёвки на море, а у младшей заболела полугодовалая дочка. Так и остался один на праздники. Первые его новогодние ночи не отличались от других — спал крепко, укрывшись от одиночества с головой.

Фариза сначала тихонько стучала в окно, а потом забила остервенело, в какой-то момент испугавшись — уж не случилось ли чего с соседом страшного? Это бабка, встреченная в доме многодеток, баламутила её мысли. “Никак смерть то была?” — грешным делом думала казашка. И ей уже не хотелось просить Сергея Ивановича отвезти Асю в больницу, а лишь бы достучаться до него, хоть бы разбудить его, отогнать от него эту страшную старуху, которая скрипела так жутко, как и самые старые засовы себе не позволяют.

Как же Фариза обрадовалась, когда над ней распахнулась форточка, и вылетел из дома в ночь мужской мягкий голос:

— Камчатка, приём! Кто там? Что случилось-то?

— Ой, жив ты что ли?! — поздоровалась она, разглядев “воскресшего” в забелённом холодами окне.

— А ты что, на поминки шла? — не то пошутил, не то упрекнул её Вележев.

— Ой, дура я, шайтан одолел, — опомнилась казашка, — я ведь к тебе, Сергей Иванович... Горе у меня... Радость ли... Ася то отходит... Рожать, говорю, собралась. В больницу бы... Да отвезти-то... Ты как, сможешь, нет? Прости грешную...

Фариза не заметила, что ещё на её неловких словах “Ася отходит” форточка закрылась, и в комнате зажёгся свет.

Жунусовы: глава семьи Ермек, жена его Зияда и сын Карим — приехали в Оренбуржье в середине девяностых. С родных, насиженных мест их выгнала безработица. Не сказать, что здесь им сулили золотые горы, но по крайней мере удалось прикупить огородик, а это уже обещало хоть какие-то харчи, давало шанс не умереть с голоду.

Сначала дела шли хорошо. Ермек быстро примкнул к варинским мужикам и записался с ними на северные вахты. Бывало, что деревня на несколько месяцев оставалась без единого хозяина, как в войну. И, как встарь, пахать землю и хлопотать по хозяйству приходилось женщинам да детям — вместе сажали картошку, её забивали поля в округе, огороды и даже палисадники. Вместе пололи, вместе поливали — года, как назло, шли засушливые, — вместе травили колорадских жуков золой из подувала, а потом по осени всей деревней выкапывали розовые плотные клубни. Работали с утра до вечера. Горбясь и кряхтя, матеря на весь свет и долю свою, и мужиков, что опять уехали не вовремя, лишь бы не корячиться.

К середине сентября бабы оставляли поля осиротелыми. Страшно смотрелась в эту пору земля, будто вывернутая наизнанку, униженная и растоптанная, уставшая, как женщина, которая повседневно получала тумачи от мужа, и уже давно не видела на ней соседи живого места. Землю утюжили не мужики, а такие же, как она, матери, пожалеть бы им её, но нет, они будто отыгрывались и мстили за свою скомканную жизнь, за мужиков, уходящих за тысячи километров в суровые края, за все горемычные девяностые, что, казалось, решили окончательно изжить русскую бабу с белу свету.

Зато когда мужики возвращались, да с деньгами, да с телевизорами и шубами, с “видиками” и с огромными, управляемыми пультами, детскими машинами — на селе начинался пир. Гуляли неделю. Потом ещё неделю опохмелялись. В те дни жизнь входила в свою колею: по деревне разносилось жужжание электрических пил, стук молотка и удары кувалд — то на зиму подлатывались дома и бани...

Однажды варинцы вернулись без Ермека. На вопросы Жунусовой они отвечали грубо: “Мы ему чё, охрана? Он перед нами не отчитывается”. Лишь раз бывший председатель села, Степан Феликсович, сжалился над несчастной и рассказал, что муж её ещё с середины вахты сорвался куда-то на восток. “Молодую нашёл?” — всё поняла она. “Не без этого”.

Не из тех была Зияда, кто даёт горю удушить себя, и тут держалась долго. Но как-то зашла к ней по делам нынешняя поселковая глава, Ксения Игоревна, женщина деловитая, переехавшая сюда из Оренбурга, одинокая, мать троих мальчишек. На этом самом одиночестве они и сошлись. Тут-то первой из всех деревенских и узнала Ксения, что Зияда вот-вот родит дитё.

— А чего ты живот скрывала от нас?

— От себя скрывала.

— Так знала, выходит, наперёд, что куковать теперь одной?

— Выходит.

Врала Зияда, не знала она, а лишь чувствовала, был какой-то её Ермек в последний приезд сам не свой, чужой, но при этом очень ласков в постели — верный признак, что загулял мужик.

Разрыдались они тогда вдвоём, казашка и русская, и с тех пор вот уже семнадцать годков как глава опекает Жунусовых и выбивает для них и садик, и школу, и материальную помощь, и пайки от собеса.

На роды приехала сестра Фариза, первый раз тогда в Варино появилась. Она все эти годы оставалась в Астане, профессия — учитель английского — позволяла небедно существовать. В последний год Фариза была так занята, что сама писем Жунусовым не писала, и на те, что от них приходили, не отвечала. Потому Зияда даже о рождении дочки ничего сестре не сообщила, а та возьми да приедь — как чувствовала. Очень рада была Зияда сестре, и в этой радости рожала.

Родилась девочка здоровая, весом три кило сто, “русская” окрестили её в районном роддоме. “Первая наша русская”, — подхватила Фариза. Она и настояла девочку крестить по православному обычаю, хотя все они в роду были иной веры.

Зияда не стала спорить, тем более в лице её малышки ничего казахского не было — пухлые щеки, широкие голубые глаза, бантиком губы — будто не она родила, а здешняя земля, картофельное поле. Так и окрестили Анной, но в свидетельство о рождении всё же вписали Асей — и языку роднее, и сердцу.

Вместе с Асей в райцентр на ворчащей и поддрагивающей “Ниве” Сергея Ивановича собрались ехать брат Карим, тётя Фариза и фельдшер из сельского ФАПа Наталья Александровна Белова. Маму оставили дома — она в последнее время сильно сдала, от неё было бы больше хлопот, чем пользы, к тому же места для неё уже не оставалось. Зияда помогла дочке нырнуть в спортивные штаны, натянула на неё свитер, насколько позволял живот — не сильно большой до этой ночи, но теперь словно раздавшийся раза в три. “Колобок и есть колобок”, — сказала мать, насадила на растопыренные руки Аси пуховик и быстро юркнула в другую комнату, откуда вынесла огромный вязаный платок, вышитый красными и сиреневыми цветами, оранжево-черными птицами и голубыми остроконечными звёздами. Зияда накинула его дочке на шею и, поцеловав Асю, добавила, как только матери могут добавить в такие моменты: и в шутку, и с любовью:

— Давай с Богом, кулёма.

“Кулёму” усадили рядом с водителем, остальных — в куртках и телогрейках — за ними.

Все рассчитывали воротиться за полчаса максимум, Сергей Иванович даже не стал выключать дома свет, без всяких задних мыслей закрыла сына в избе фельдшер. Туда десять минут, да пока доведет пациентку до приёмного покоя, потом обратно ещё десять. Что за это время случится?!

Над дорогой висела жирная луна, она была прямо под колеса, устилала заледеневшую полосу своим коварным светом. Справа мирно лежали заснеженные километры — только снег, смешанный с тьмой, и больше ничего. На таких просторах обычно выстаивается — крепчает — мороз. Слева точно такое же поле, точно такой же снег, в темноте похожий на гигантский кусок подсвеченного низкими фонарями шифера. Но что-то всё-таки отличало картинку справа от той, что видели сейчас пассажиры “Нивы” слева: где-то в глубине творилось нечто необыкновенное и страшное — из земли что-то вырастало, похожее на воинские батальоны, которые тут же объявляли друг другу войну и смешивались в одной беспощадной схватке. Бой был рукопашный, одежда на воинах — черной, и лишь снег, который взбивался из-под их ног клубами, поблескивал белыми искрами.

Восемь глаз смотрели из машины, как волки на пылающие вдали флажки смотрят и бегут, потому что так природой завещано. Люди тоже идут на опасность гораздо охотнее, чем на радость, только люди, в отличие от волков, свои дорожки выбирают сами.

— Не успеем, — сказал вдруг брат роженицы с интонацией умудрённого старожилы здешних земель.

— Да куда мы денемся? Камчатка, приём! — рывкнул Вележев и надавил на газ. “Нива” рвала ночной воздух и выла волчицей на зависшую над

дорогой луну. Руки Сергея Ивановича мгновенно пропотели. До этого момента Вележев ехал в шапке, теперь снял её, обнажив мокрые редкие волосы. Из глаз полилась вода, не слёзы, а красные ручьи — так раскалилось его лицо.

На полпути до райцентра дорога брала круто вправо, уже поворачивая, Сергей Иванович увидел в зеркале, что легионы чёрных воинов перестали колошматить друг друга, они на секунду замерли в едином строю, собираясь с силами или сверяя свою численность; и вдруг все дружно в одном вихре рванули в ту же сторону, в которую сейчас повернул Вележев. Что-то надломилось в это мгновение в поле, по крайней мере, пассажиры явственно услышали хруст, как будто треснуло гигантское дерево. За треском всё стихло, но любая тишина — предвестник бури, а тишина, несущаяся перед бурей, — громче и невыносимее самой громкой какофонии.

Вскоре струна оборвалась, и вой, дикий, всеобъемлющий вой, накрыл весь этот вывернутый наизнанку космос.

— Успеем, успеем, — причитал, как молился, Вележев.

— Ой, что же это, что же, — охала, покачивая маленькой головкой, Фариза.

— Мой-то, мой совсем один, — паниковала Белова.

— У-у-у, — всё, что мог сказать Карим.

Ася смотрела на Вележева и не понимала, ради чего этот человек так надрыгается, куда спешит, почему он изнемогает. Такое с людьми бывает — в ответственный момент у них отключается разум, а вместе с разумом и память, и способность узнавать окружающий мир. С Асей сейчас случилось нечто подобное. С ней вообще такое бывало часто.

Несколько раз школьные учителя отправляли Жунусову на медицинское обследование: “Не больна ли на голову девочка?” — но вскоре Ася начинала учиться на одни пятёрки, участвовать в школьных праздниках и соревнованиях, и была таким живчиком, что учителя сами удивлялись — эту ли молодчинку мы за ненормальную принимали!

— Так чё, она у меня не всегда же мимо едет, — отмахивалась мама Аси. — Временами у неё бзик, а так Аллах не обидел.

Однажды в гости приехала Фариза, сестра ей с порога давай жаловаться: “Опять дочь моя из себя вышла, учительница приходила, орала — почему всё ещё в медгородок дочку не свозила?! Вот, — уже рыдала Зияда, — парни девочку забижают и бросают в неё камнями”.

— Ну, необычная девочка, что тут поделать, — вздохнула тогда гостья. И хотя в это время Ася была в себе, и шутила, и как взрослая рассуждала о жизни, и так нежно, так ласково обнимала тётю, Фариза в первую ночь долго не спала, думала, что такого могло произойти с их дочкой? Вспомнила тут, что в поездке читала брошюру какой-то учёной, которая исследовала жизнь талантливых людей, и поведение некоторых было почти точь-в-точь, как ведёт себя Ася. Особенно это касалось поэтов, этих “приёмников смыслов”, так и было в брошюре написано: “приёмник смыслов”; фраза очень запала Фаризе, у которой при слове “приёмник” срабатывала только одна ассоциация — кухонное радио, уже несколько лет не сообщавшее ничего о смыслах, а только о фактах.

“Но всё же, не может же быть, чтоб наша девочка — из гениев, приёмнику ведь тоже кто-то должен мысли передавать, — спорила с собой Фариза. — А кто ей тут их передаст, среди таких громадин-гор, в такой грязи и пустоте?” “Ерунда всё это”, — усмехнулась сама себе Фариза и так, улыбаясь своей спонтанной глупой надежде, уснула.

Лишь дня через четыре Фариза вздрогнула и вспомнила те свои предсонные размышления. В разговоре о том о сём, собираясь в баню, тётя спросила Асю: “Стихи, небось, пишешь?”

— Пищу, крёстная, — сказала Ася глухим голосом, исходящим откуда-то из живота.

— Так вот оно всё и ясно! — обрадовалась та. — Зия, слышь чё? Наша — поэтесса! Сами они там все улетевшие...

— Да какая там поэтесса, — кричала мама Аси, чистя картошку в большом металлическом ведре. — У них вон в школе учебники, она оттуда по строчке из каждого стиха дёргает, вот и все стихи. Поэтесса! Лучше бы мамке по кухне помогла.

— Ну всё равно, пишет же, — не переставала радоваться Фариза.

Уже в бане, когда тётя как следует простучала по ягодицам и пояснице племянницу, Ася, резко сев на колени, гордо выставила свою молодую грудь вперёд и крикнула звонким голосом — каким в советском кино кричали пионерки:

— Знаешь, что, крёстная!?

— Что, родная?

— Ничего я не ворую по строчке. Я сама пишу! — И глаза её просияли, зажглись, стали похожи на угольки, хоть сейчас — в печь.

— Вот даёт! — только и сказала тётя и села рядом на полок, обдав лицо девочки горячим дыханием. — Влюбилась? — спросила она.

Ася, которая за минуту до этого обрадовалась, что в лице крёстной найдёт понимающего человека, снова поникла, угольки в глазах кто-то залил водой. Не от безответной влюблённости ревела Ася, как подумалось в ту секунду Фаризе, а от осознания, что не быть ей понятой среди пусть родных, но далёких от неё людей. И лучше закрыться от них навсегда, “ехать мимо” до окончания дней, или влюбиться, наконец. Потому что — в библиотечной книжке прочла недавно — любовь телесная мешает слушать Бога, а значит, её больше не будет мучить эта странная вещь, когда вдруг кто-то вкладывает тебе в голову строчки, и ты бежишь их записывать, хотя ещё за секунду до этого у тебя были совсем другие планы.

Через два года Фариза узнала, что её маленькая поэтесса беременна.

Перерезав луч фонарного света, машина Вележева застыла у двухэтажного здания из красного кирпича. Больница. Теперь можно выдохнуть, остальное зависело от врачей. Вележев и сопровождающие своё дело сделали. И каждый из них уже мысленно мчался обратно наперегонки с непогодой.

Фариза выскочила из машины и открыла двери у пассажирского сидения. Пока Ася медленно и грузно выкатывалась, на помощь крёстной подоспела медсестра, под свист налетающей выюги они повели роженицу внутрь. Тут только Белова выскочила из машины и рванула в сторону больницы, по пути бросив медсестре, которую — и это выдавал весь её вид — недолюбливала:

— Что так долго тащишься? Я тебе когда позвонила? Должна уже была стоять....

Мужчины остались в машине вдвоём.

— Ну, вот и всё, сейчас дождёмся женщин и поедем обратно, — выдыхал Вележев.

— Не успеем, — спокойно и равнодушно, так, как только и умеют говорить пацаны, отрезал Карим.

— Ну, что за человек! — сплюнул пожилой учитель. — Успеем, не успеем... Должны успеть! Понял?

Карим отвернулся лицом к больнице. Все уже зашли внутрь, оставив ручеек следов от машины.

— Моих тоже тут рожали, обеих, — протянул водитель, — давно было-то, а внуки уже городские. — И через паузу добавил: — Сейчас ещё вот один варенёнок родится! А то никто не рожает, скукота. Кто хоть будет-то? — Сергей Иванович повернулся к Кариму, и тот увидел — чуть ли не впервые в жизни, — что человеческие глаза могут быть по-детски добрыми, а ресницы — седыми...

Карима мать не любила, да и кто его любил во всей деревне — не в масть пошёл, дрался с местными мальчишками, рано стал курить, и от старшаков научился варить манату — наркотик из молока и местной конопли “уралочки”.

— Да за что же мне такое наказание, — выла Зияда на луну, — дочь чумная, сын некультяпый. Ерме-е-е-е-е-ек! — орала она в одинокий ночной

полумесяц, пытаясь докричаться до мужа, который, судя по её возгласам, сидел сейчас на луне и не думал возвращаться к жене на помощь.

Но напасть с маногой спала, Карим завязал, сам, было ему тогда четырнадцать. Пришла другая беда — стал подворовывать. Сначала в школе, потом и дома, потом пошёл по соседям. Деревня — как Ноев ковчег: всё на ладони. Вскоре пришли к Жунусовым мужики.

— Ублюдка твоего, Зияда, сажать будем или в речку сбросим? — спросил Вася, по прозвищу Гирия — после службы в ВДВ у него остались на руках увесистые баки, исколотые синими татуировками.

— Да мне хоть вешайте! — бросила Зияда мужикам и засемила к электроплитке, чтобы погреть гостям чай. — Я сама с ним так намучилась, не дай вам Бог таких детей.

— Так я не понял, — раздувался Гирия. — Дома?

— В сарае.

Деревенские застали Карима, когда тот выпиливал на верстаке колеса для деревянной гоночной машинки — делал игрушку, в школе учили на уроках труда. Сразу понял, зачем к нему пришли. Без всяких слов метнулся в угол сарая, откинул с пола половицу, под которой скрывалась широкая фанерка, поднял и фанерку — за ней зияла большая дыра, вход в подпол.

— Сейчас, — бросил Карим и прыгнул в яму.

С вэдэвэшником были ещё двое: щуплый и лысый, в спортивной олимпийке Егор и отец Егора — Виктор Сергеевич, уже седеющий мужичара, по прозвищу Ветеран — потому что пил он так давно, что если собрать стаж варинских забуддыг, то Ветеран всех их сделает даже при самых примерных подсчётах. Чёрные круги под злыми глазами, вечная небритость и покоцанный нос — как награды за пальму первенства.

— Чё? — спросил Ветерана Гирия, когда вор ушёл под землю. — Закопает чурку?

— Ша, погоду, — ответил за отца Егор, но на всякий случай принялся перебирать костяшки правой руки.

То, что случилось дальше, изменило планы пропитой троицы.

Из дыры в земле на засыпанный стружкой пол полетели украденные вещи: магнитофон “Весна”, доставшийся Гире от отца; складной китайский нож и часы с кожаной пряжкой, отработанные Егором у городского студента; видеомагнитофон, которого так не хватало Ветерану; видеокассеты — особая гордость всё того же забуддыги; а за ними — старые иконы, тарелки, утюги, тетрисы, и всё, чем успел поживиться молодой казах.

Вслед за скарбом вылез и Карим. От мужиков его отделяла целая гора награбленного — как в фильме про пиратов. Но сейчас пиратом был не он.

Гирия сидел на пне-табурете, уперев руки в колени, и внимательно смотрел на вора:

— Ну и нах?

Парень лишь пожал плечами. И зарыдал. Но эти слёзы никого не трогали — Карима в тот вечер так наказали, что три месяца кряду он провалился дома, обклеенный примочками и травами. Потом ещё полгода ходил хромым.

— Сын, поди? Живот вон какой? — настаивал на своём любопытстве Вележев. Карим пожимал своими худыми мальчишескими плечами.

— Чурка! — безобидно вскрикнул водитель. — Сестра рожает, а он, как девочка, плечи жмёт! Ну, чурка же!

Карим лишь улыбался в ответ.

Снежные вихри, сманив на свою сторону наметённые в поле сугробы, атомным грибом нарастали над райцентром, в любую секунду они могли обрушиться на дома и фонари, на больницу и “Ниву”. Но что-то ещё не давало стихии доползти до людей.

“Может быть, проскочим как-нибудь, может быть, справится машинка-то с этой стеной”, — размышлял Вележев, глядя, как высоко над селом уже начало искрить от трения снега и воздуха. Бессилен человек. Он может починить только то, что сделал сам, но если искрит в природе — ничего, кроме

молитвы, не остаётся. Но где теперь эти молитвы? Никто не помнит тех слов, которыми веками паяли и смазывали неполадки в небе.

Дверь больницы скрипнула, Вележев увидел, как к нему бежит сестра.

— Что-то забыли, наверное, посмотри там, на сидениях, — попросил он Карима.

Но сестра бежала по душе водителя.

— Простите, пожалуйста, вы нам не поможете? — принялась умолять она, как только стекло бокового окна поползло вниз.

— Дело в том, что у нас оборудование не работает, а тут сложная роженица... И машины нет, “скорая” уехала два часа назад, не вернулась ещё... В общем, состояние критическое... Нужно в Ромашёво. Если вы сейчас поедете, то ещё успеете. Мы вызовем машину вам навстречу. Мы не можем принять, а ситуация непростая, вы можете пойти с доктором поговорить...

— К чему мне ваш доктор! Вы видите, что на улице?

Воздух гудел от напряжения, как гудит в трансформаторной будке — метель наэлектризовала пространство, и было понятно — сейчас этот самый воздух взорвётся. Гудело и внутри Сергея Ивановича. Но с личной тревогой-выюгой он умел справиться.

— У меня и бензина-то почти нет.

Сестра вздохнула. И бегом вернулась в больницу.

Голова гигантского белого змея, зависшая над селом, стала опускаться.

Из дверей приёмного покоя выбежал крупный мужчина в синем медицинском костюме и в колпаке. Вележев заметил, что тот семенит не по вытоптанной тропке, а прямо по снегу, проваливаясь в нём и отступаясь. Окно было открыто, поэтому водитель слышал, как мужчина время от времени матюкается.

— Бензин я дам, смотри, — стал кричать медик Сергею Ивановичу метров за пять до машины, — в район позвонил, навстречу поедет “скорая” и два трактора, смотри, нормально, быстро с ними пересечёшься. Где-нибудь, смотри, у Горелого леса, и по домам поедете, ну, нету, смотри, у меня машины, а роды сложные... — Бас доктора звенел, ударяясь о заряженный воздух.

— Что, и тракторы поедут? — не поверил Вележев.

— Только что позвонил, смотри, выехали. Я заведующий, Семёнов я! — И мужик в синем костюме протянул руку в окно.

Сергей Иванович оглянулся на Карима, как бы ища у него поддержки. Но тот отвернулся.

— Веди, куда деваться-то теперь! — скомандовал Сергей Иванович, и Семёнов, довольный, побежал обратно, на этот раз по вытоптанной дорожке.

Что-то стало колотить в крышу машины, словно над ней выбивали огромный ковёр. Это значило, что буран уже выпустил когти, и пока он лишь царапает, но с минуты на минуту ударит всей своей лапой, и тогда пиши пропало — без потерь из-под этой ледяной варежки не выбраться. Но делать нечего — Вележев решил на эту поездку, и от того, кто теперь победит — он, больной, стареющий русский мужик или всегда здоровая и суровая русская природа, — будут зависеть жизни шести человек. Шестой — тот, кто отважился появиться на свет Божий не в самое подходящее время. Но миг рождения человеку выбирать не дано.

Когда Асю сажали обратно в “Ниву”, она кричала и стонала голосом постаревшей женщины.

— Не ори, все мы рожали, знаем, терпи, не играй на публику! — раздражалась Белова, злая на свою пациентку: та спутала все её планы, скорой дороги не получилось, а дома сын один.

— Маленькая моя, всё хорошо будет, сейчас быстро приедем, — успокаивала Фариза.

— Не могу больше!

— Да, Господи! Зачнут по кустам, а потом как кошки — быстрее бы скинуть! — язвила фельдшер.

При хорошей погоде дорога в Ромашёво от райцентра занимала около часа, а в снегопад... в снегопад туда никто не ездил. “Потому что, как пить

дать, что-нибудь случится”, — говорили деревенские мужики. Дело в том, что где-то через четверть пути от села дорога огибала Горелый лес — так назывался плотный кедровник, засаженный кем-то невесть в каком году XIX века на месте сгоревшей деревни.

Дорога здесь всегда была не ахти, но раньше люди и не спешили, спешить-то было не на чем, преодолевали опасные ямы, колдобины, повороты и горки тихо, уверенно, а как пошли гонять все — так и бьются. Особенно худо приходится тем, кто бьётся ночью. Потому что старинный мощный кедровник перебивает все сигналы мобильной связи — и так-то в районе одна сеть работает, а тут вообще мёртвая зона. Вележев старался обо всём этом не думать. Дорогу он уже почти не видел, ехал на ощупь, прислушивался к выюге — та пела всем своим жутким оркестром, завывая и хлопая, стуча ледяными костяшками по крыше и окнам, бахала в двери.

Была суббота, ближе к вечеру ожидалась баня, а с утра уборка. В низкой двухкомнатной избе Жунусовых генерально убирались не каждые выходные, но сегодня ждали гостя. Телемастера. Старенький телевизор, купленный Ермеком, сломался в начале весны, ещё снег лежал. А сейчас уже вовсю бурчали на проталины ручьи, бабочки щекотали крылья о первые травинки, узкая скалистая река Варинка неслась с такой скоростью, что даже не было слышно пролетающих над селом самолётов, а они здесь летали часто.

И не то, что единственный на всю округу городской мастер был занят — просто не было для такого старья деталей. Он ещё по телефону сказал: “Выбросьте на помойку, купите новый...” А вчера перезвонил, обрадовал — такой же телик нашёл на свалке, выкрутил детали... Ждите, самому интересно в антиквариате покопаться.

Приехав обещал к трём. Значит, до трёх нужно было всё вынести и вычистить. И пирогов напечь — мастер всегда был гостем дорогим на Урале, и неважно, камни он обрабатывал или телевизоры.

Ася, сняв с себя одежду и оставшись в одной футболке, прошла по избе веничком, потом заставила Карима натаскать воду с колонки в бадью, в раковину и ведро — для помывки. Она любила мыть, смачивать пыль мокрой тряпкой и чуть прижав к полу вести эту тряпку на себя, оставляя полосу чистоты и влаги.

Когда убирала кухню, зацепилась коленкой о дверцу печки, царапина небольшая, но крови вылилось как со всего Варино. Мама в бани копалась, брат — у себя в сарае, могла бы его крикнуть, да постеснялась. Пришлось снять футболку, коленку обмотать, так и домывала неглиже.

В этот момент случилось. Проходя мимо древнего потрескавшегося трюмо с запывшимся зеркалом, Ася прямо половой тряпкой мазнула по стеклу и обомлела. Сама не поняла — кто это в нём стоял. За толщей пыли отражался только силуэт, но в оставленной тряпкой проталине хорошо были видны её грудь и живот. Их-то она сейчас и не признавала за свои. Больно уж они какие-то стали женские, взрослые, что ли? Она много успела прочитывать в книжках, как у девочек всё наливается так, что они часами от зеркала оторваться не могут, а теперь вот сама, к своей стыдной радости, дожидается до этого часа.

Но долго рассматривать свою молодость в старом зеркале времени у Аси не было. В любую минуту могла вернуться мама, и если бы увидела, что ещё веранда не тронута, долго бы орала и называла дочь копушей, и добавила бы своё вечное: “Ни на кого положиться нельзя!”

До приезда мастера оставалось совсем ничего.

Вележев вдруг замедлил ход. Ему показалось, что он съехал с дороги... — Ты что, Иваныч? Сбился, что ли? — встревожилась Наталья, фельдшер, когда Вележев сбавил ход своего синего ледохода...

— Да, Камчатка, приём! Не вижу ни черта!

— Так чё делать-то? — голос Беловой стал более опасливым.

— Да вроде пыхтим тихоньку, быстро не могу, боюсь с дороги съехать, куда мы потом выберемся?

— А, ну ладно, ты уж давай, не подведи нас, у нас дети дома.

— Да опытный мужик, не впервой здесь уж, поди? — бросила пиллолю успокоения Фариза.

— Ой, не знаю, девки, где еду. Вроде до лесу уж добрались, поди, про-рвёмся!

И так Вележев уверенно и спокойно это сказал, что в машине все повеселили, буран за окном вместе с ними. Больше не бил он со всего маха своими железными крылами — по тонне снега на крыло, не меньше, — а как бы приглаживал крышу и бока железного автомобиля. Одно оставалось плохо — видимости от такого веселья не прибавилось.

Мастер примчал на старенькой “Волге”, Ася ожидала увидеть пожилого мужчину, в жилетке, с усами и обязательно с чёрным чемоданом в руке. Но сбылось только про чемодан. В дом вошёл парень того прилпатнённого вида, который можно встретить на деревенских дискотеках или в ночных клубах где-нибудь в районе железнодорожных станций. В спортивном костюме, бритоголовый, с чуть вздёрнутой переносицей — как будто кто-то ровно посередине зацепил её крючком и потянул вверх. У парня не было одного переднего зуба, зато рядом с чернеющей при улыбке воронкой блеснул зуб золотой.

— Саша, — представился парень без всякого “здрасьте, как дела, хозяйева”, и всего того, что обычно говорят при входе в дом в русских деревнях.

Ася сначала испугалась гостя, но тот, хоть и был неприветлив с порога, по ходу починки разговорился, и предстал перед Жунусовыми чуть ли не рубахой-парнем.

— Давай, мать, я тебе телик привезу нормальный, за пару косарей тебе найду, отвечаю, будешь смотреть как человек, — предложил он хозяйке, стоящей в дверном проёме главной комнаты.

— Ой, да на кой мне? Лишь бы тархтел хоть как-то.

— Ну, смотри сама. Тут лампы сгорели. Я тебе поменяю. Ну, рублей пятьсот-то точно возьму, дашь?

— Дам, куда деваться-то.

— А потом приеду сам, в музей заберу, мы с парнями музей делаем в подвале у меня, там качалка раньше была, потом убрали, чё, считай, все уже семейные, дома качаются, — пошутил Саша и заигрывающе оглянулся на Асю.

Ася почувствовала, как от коленок вверх побежали крупные мурашки. Они бы добежали туда, куда не следует, но тут их спугнула мама, попросившая принести чаю.

— Мне три ложки, — по-хозяйски скомандовал мастер. И Асе почему-то такой тон понравился.

Спустя время мурашки всё же добежали до цели. Особенно, когда мать, хлопнув дверью, вышла из дома. Ася осталась одна на кухне. От мастера её отделяла стена.

— Слышь, мелкая, ты только не разбавляй, — послышалась очередная команда.

— Я не мелкая! — взорвалась Ася, и тут же какое-то седьмое чувство подсказало — взорвалась зря.

— Я сейчас в технаре учусь, буду менеджером, а телевизоры — это от бати, он меня научил, — непонятно для чего начал рассказывать о себе Саша, когда молодая хозяйка вошла с чаем в большую комнату. Телевизор стоял обратной стороной к окну, мастер возился в его внутренностях. Девушка успела в экране разглядеть себя. За пять минут до приезда мастера она влезла в чёрное трико и теперь заметила в отражении, что эти штаны как-то предательски обтягивали её ноги, придавая им совсем не скромный вид. Но гостю было плевать на неё, или ей это только казалось. — Я в городе сейчас лучший, все ко мне идут, у кого телик сломался, — рисовался он. — Я их насквозь вижу. Вот смотри, я только раздел ваш, сразу понял, в чём дело, я раздевальщик-то тот ещё, ёпт.

— Ммм, — всё, что смогла ответить Ася. Она не знала, что говорить и куда себя деть. И почему-то подумала, что это она первый раз осталась с парнем один на один в комнате — брат не в счёт.

— Это мамке нужен телик, — зачем-то сказала она.

— А ты чё, вышиваешь? — снова бросил усмешку мастер.

— Книжки читаю!

— Так я тоже, чё ты, — вдруг сказал он, чего Ася не ожидала совершенно.

— Ммм, — снова вернулась она к началу. И снова потерялась в четырёх родных стенах. Спасла мама, принеся с улицы облако пара.

— Баня готова, иди, самое то сейчас, — бросила она дочке.

Саша остановил свои работы. И уставился на девушку. Она снова почувствовала, как под трико сначала похолодело, а следом пошла горячая волна, и эта горячая влага обжигала каждую её клеточку.

— Ладно, пока! — выпалила Ася новому знакомому как какому-нибудь однокласснику, зашедшему узнать у неё расписание уроков.

Мастер не ответил.

Баня у Жунусовых была без предбанника, с улицы человек сразу попадал в парилку, у входа справа стояла печь, за ней по правую же сторону — полоч. Строил баню ещё отец Аси, думал — на время, а оказалось — на все лет двадцать. Брёвна уже потемнели, маленькое оконце полопалось, в дождливую погоду капало с крыши, печь всё чаще дымила внутрь.

Но Асе нравилась их баня. Она только здесь чувствовала себя уютно, в своей тарелке. Среди пара, захваченная жарой, на подгнивающих досках. Обычно она залезала на полоч с ногами и, обхватив коленки руками, подолгу сидела, дыша раскалённым паром и мечтами.

Если бы кто-нибудь сейчас следил за “Нивой”, то ему бы показалось, что стихия раскалывает машину на мелкие части и смешивает осколки со снегом. Внутри салона творился не меньший кавардак. Пассажиры кричали на водителя, который ехал медленно и причитал: “Ох, братцы, сейчас съедем, сейчас унесёт, тут места такие — не откапают потом”.

— Да едь ты уже, шайтан тебя попутал, — кричала доселе спокойная Фариза.

— Ох, бабоньки! — нервничал Иваныч.

Быть может, он бы ничего не говорил вовсе, но минут пять назад вдруг совершенно по-зверски стала рычать Ася — то были очередные схватки, которые она уже была не в силах терпеть.

Она то впадала на какие-то полминуты в бред, то выходила из забытья и снова орала на непогоду бесноватым голосом, рыдала, проваливалась куда-то опять. Ей казалось, что метель сковала её тело, но там внутри был какой-то огромный снежный ком, который пытался вырваться наружу, чтобы смешаться в едином танце со всей бушевавшей вокруг машины сумятицей.

— Еду, я, еду, еду, еду, лёд, лёд, лёд, — наговаривал, будто мелкой дробью стрелял, Иваныч.

— Господи, помоги, Господи, помоги, помоги, — молилась Фариза.

Но вот машина на какие-то доли секунды оказалась в невесомости. Вьюга подняла? Закрутила? Или остановилась сама Земля?

Саня ворвался в баню, будто с мороза в кабак. В том, что он придёт сюда, Ася не сомневалась, лишь гадала, как всё случится.

Мастер схватил её своими пацанскими мозолистыми руками и враз перевернул животом к нарам. Потом смахнул с них металлический таз — тот отлетел и звонко врезался о каменную трубу печки. Звон, смешанный со сладкой жутью, рассыпался иголками по Асиным бёдрам и животу. Он всё делал быстро и неуклюже. Так что ей даже стало противно. Резкая боль сменилась резким отвращением. Злость и обида, с которой теперь жить девушке до самых сединок.

— Всё, — спокойно выдохнул Вележев.

Неведомая сила бросила машину об землю, и все почувствовали, как колеса вкручиваются в сугробы. Это была уже не трасса, а что это было, никто и не видел. Только ночь стегала стёкла белыми хлыстами метели.

В ту ночь дежурить выпало Александру Андрееву, бывшему оперу из ромашевского УВД. Его лет пять как “вышли” на пенсию и, чтобы не прозябать и не спиться, устроился в МЧС. Работёнка не пыльная: сиди, на звонки отвечай, сообщай о происшествиях нарядам или руководителю отдела. Никакой ответственности, никакого напряжения для облысевшей головы. После УВД Андреев ходил на дежурства с радостью стажёра.

Жена бросила Андреева ещё в ту пору, когда он ловил бандитов, сын давно уехал в Москву, так что работа была ещё и собеседницей, прикрытием от одиночества. Сменщики это знали, потому уболтали отдежурить две первые ночи января. В благодарность подогнали кофе и бутылку коньяка. С выпивкой прогадали — Андреев, весь предыдущий год из запоев не выходявший, решил, наконец, завязать. А когда бросать, как не с первого января!

Звонок из больницы оказался первым в Новом году. Когда на пульте загорелась красная кнопка, Александр перекрестился — примета такая.

— Слушаю, дежурный Андреев, с Новым годом! — У бывшего опера был прокуренный бас.

— Это из роддома вас беспокоят, — взволнованный женский голос. — Не знаем, куда обратиться.

— Что, не рожают никто, петух нужен? — сдохмил дежурный и остался собой доволен.

— Своих петухов хватает, — не растерялся голос, — к нам с соседней районки роженицу везут, а там кутига, сами знаете, нам бы навстречу им выехать, понимаете?

— Не понимаю, — отрубил Андреев.

— Ну, сделайте что-нибудь!

— Вы бы ещё в горгаз позвонили, это не наш профиль, девушка.

На этих словах Андреев повесил трубку, отпил кофе, посмотрел на огромный монитор — там была карта, и на карте мигали два кружочка: один — пожарный расчёт, другой — аварийно-спасательный. Две машины, которые готовы в любую секунду выехать на вызов. Сейчас они стояли рядом в гараже, ровно под тем местом, где сидел дежурный.

Через две минуты на пульте снова замигало.

— Дежурный Андреев, с Новым годом!

— Слушай, Андреев! — с той стороны раздался металлический грубый голос главврача роддома, этот голос был дежурному знаком, раньше приходилось пересекаться по службе — из перинатального центра то и дело воровали компьютер.

— Ильинична ты, что ли? Снегурочка ты моя!

— Я тебе сейчас дам снегурочку, дед мороз хренов! Ты чего мою сестру до слёз довёл?

— Ты же знаешь, я могу только до одного довести. — И Ильинична услышала в трубке, как дежурный что-то смачно отпил из кружки.

— Харя ты бесстыжая! У меня на трассе роженица пропала. Не можем до них дозвониться. Они уже должны были у нас быть. А там вон буран какой! Ты же не видишь у себя там, глазёнки залил! — Металл в голосе дрожал.

— Да я-то вижу, но я чем помогу? У меня нет сейчас машин специальных. Как мы до них доберёмся? На пожарной?

— Это не мои проблемы, или мне в область звонить? Пешком идите! Люди гибнут.

— Да пока вроде без похоронок, — попытался сбить накал Андреев неловкой шуткой, но быстро понял, что это он зря. — Ладно, я сам позвоню. Добро. Трубку не вешай, сейчас мне подробности расскажешь. — Андреев потянулся за карандашом и листом бумаги, надо было записать номера, имена, маршрут...

Синюю “Ниву” заваливало снегом. Двигатель ещё работал. Вележев ходил вокруг машины, оставляя следы с полметра глубиной. Он не видел ничего вокруг. Только белую рябь в свете фар.

Сунулся было пойти на поиски дороги, но, отойдя от машины метров двадцать, понял, что дело бесполезное — ещё не хватало самому заблудиться

и закоченеть. Как те шестеро “смельчаков-глушцов” из аксаковского “Бурана” — про эти места история. “Весною отыскиали тела несчастных в разнообразных положениях. Один из них сидел, прислонясь к забору...” — с детства Вележева пугали этой страшилкой. И вот она опять прихватила.

Вернулся к “Ниве”. Двери открывать не стал — что ему сказать тем, кто ждёт от него вестей? Ещё раз обошёл машину. Потоптался у передних колёс — труха. Плюнул, снова заковылял по шинным следам в поисках дороги. Снег летел в глаза с такой скоростью, будто бы Вележев сейчас мчался по трассе без переднего стекла. Через минуту, может быть, чуть больше Вележев обернулся, но увидел лишь темноту. Заколело в сердце. Сергей Иванович сел на корточки. Первое, о чём подумал, — лечь и дожидаться смерти. Она в снегу придёт быстро, он об этом сам на уроках ОБЖ рассказывал. Но потом почему-то вспомнил, как в детстве его — не умеющего плавать — выбросили из лодки на середине озера, и он пошёл топором ко дну. В те мгновения он тоже первым делом решил, что пришла его смерть. Но тогда проснулся в нём пацан, стал он отталкиваться от дна, прыгать к свету, пытаясь ухватиться за пронизывающий озёрную воду солнечный луч. И допрыгнул, вынырнул. И вот теперь снова воскрес тот дерзкий паренёк. Вележев подпрыгнул и зашагал, уметая снег, туда, куда сердце повело.

Вскоре мелькнул жёлтый свет. Маяк. Фары его машины. Взбешённый от радости, он зайцем допрыгал до неё и забил по стеклам. В эту секунду вдруг прорезался слух — до того всё творилось в тишине. Сергей Иванович услышал истошный крик Аси, этот крик пролетел мимо его левого уха и смешался с гудением выюги. Не гудением, а с хохотом — так казалось Вележеву. И было трудно решить, что ему слышать страшнее, — этот хохот или Асины мучения.

Не в силах больше оставаться на улице, водитель заскочил в “Ниву”, спиной чувствуя, кто, что и даже каким тоном ему сейчас скажет.

— Всё, Иваныч? Приехали? — был испуганный голос Беловой.

— Приехали, — сказал он спокойно.

— Если она сейчас будет рожать, я даже пальцем не пошевелю, — так же спокойно вдруг ответила фельдшер.

— А она что будет рожать? — почему-то спросил Иваныч.

— Ох, Господи, за что мне это! И ведь Ванечка у меня... Господи! Да когда это кончится! — завопила Белова. — Из-за каких-то чурок мы сейчас тут все перемерзнем к чертям. Звони! — отдала она телефон, что держала всё это время в руках, Фаризе и зарыдала.

У Фаризы была и своя трубка. Но она уже не нажимала на вызов, так как давно поняла — здесь сети нет. И от этого понимания в её душе скребли совсем не кошки, а белые медведи, да так скребли, что казашка чувствовала острую боль от их царапин.

— Сергей Иванович, ты только берегись, — обеспокоилась она. — Тебе нервничать-то нельзя. Всё хорошо будет. Я знаю. Но если с тобой что случится, нам всем хана. Говорят, сердце у тебя больное, ты на него не дави.

В зеркале Фариза увидела расколовшееся на лучики лицо Вележева. Тот улыбался и плакал.

— Женщина ты моя, душа ты добрая. О дочке вон думай, я ещё тебя в бане прожарю, как приедем.

— Да ну тебя, старый дурак! — Фариза была рада, что их спаситель готов шутить.

В это время Ася упала всем телом на дверь, припадочно забилась головой о стекло, она не кричала, а только громко дышала. Как бы задыхалась. И закрутилась, завертелась, будто передразнивая выюгу за окном.

— Девчата, что-то тут не то! — смекнул Вележев.

— Воды пошли! — буркнула медичка. — К бабке не ходи.

— Ох, ты моя девочка! — Фариза юркнула между передними сидениями, поцеловала крестницу в щёку, стала гладить по голове, успокаивать. — Это нормально, доченька, не переживай, все свои. Только воды ещё. Сейчас за нами приедут, в больнице родишь. Не вспомнишь об этой дороге. Луна доведёт, Аллах поможет, Иисус не бросит! — Слова казашки напоминали

какой-то заговор. Внезапно Фариза задрожала, спрягала лицо за ладошками.

— Ведь из-за меня всё. Мой грех. Такие мучения тебе. Такая жизнь.

Никто не понимал, о чём говорит Фариза, да и никто особо не слушал — мало ли на нервах в такой ситуации что наговорить захочется. Ася тем временем немного успокоилась, припадок прекратился, даже заулыбалась, отвела мокрую ладошку крестной от своего лба и нежно прижалась щекой.

— Мы много не доехали-то? — спросила сквозь слёзы Фариза.

— Да полпути точно ещё впереди.

— Ну, ничего, спасут, врач же сказал, что выехали. Приедут сейчас...

Дежурный ромашевского МЧС Андреев первым делом позвонил начальнику отдела. Это был его старый приятель, вместе окончили школу, потом вместе мёрзли на Кольском полуострове в армии, вместе возвращались в родной посёлок. Так и шли рядом всю жизнь. Правда, один дорос до начальников и полковничьих погон, а другой оставался капитаном с неудавшейся карьерой сыщика.

— Дмитрич, ты бухаешь или у тебя всё плохо?

— Чё там у тебя, бляха, случилось? — догадался Дмитрич.

Андреев доложил ситуацию с чувством и расстановкой. Он знал — ничем Дмитрич не поможет сию секунду, все вездеходы отправили в область по требованию головного управления. Непогоду ждали и прогнозировали подобные ЧП на федеральной трассе. А что там будет происходить на селе — никому дела не было.

— Чувствовал жопой, Сань! Не поверишь, кошмары снились. Но чё делать, не знаю, — честно признался начальник.

— А я, что ли, знаю?! Но там, говорят, в машине пятеро, и девочка семнадцати лет на сносях.

— Главе нашему, твари этой жирной, звонил? Где его техника? Пусть едут, а наши на пожарной и на “уазике” — за ними. Авось ещё не замёрзнут. Чай там возьмите, баллоны газовые. “Скоруоу” не забудьте...

Андреев был человеком спокойным, многое он видел в своей жизни, но одно лишь могло его вывести из себя. Человеческая тупость. Простить её он не мог даже старому другу.

В следующие пять минут Дмитричу был поставлен диагноз и рассказано про методы лечения, всё это, конечно, матом. И только поуспокоившись, Андреев объяснил начальнику, что он уже сам всем давно прозвонил. И дозволился только до зама главы, и из его пьяного бреда понял, что снегоуборочные машины вообще больше никуда этой зимой не поедут — денег на солярку нет и не будет, так что тонуть всем в снегу и получать хлеб вертолётном. Но сначала надо как-то спасти рожицу.

— Не жизнь, а кутига какая-то, — сказал на тяжёлом выдохе командир.

— В область сам позвонишь или мне набрать?

— Сам позвонишь. Пусть голову ломают. А у меня каникулы! — На этих словах Дмитрич отключился, Андреев понял, что впереди его ждёт неприятный разговор. А главное — безрезультатный.

Из области доложили: выехать смогут не раньше десяти утра, к этому часу погода придёт в себя. Чтобы добраться до Ромашёво, понадобится часа два. Ждите к обеду. А пока принимайте решение на месте.

Дежурная часть занимала небольшую комнатку в двухэтажном здании управления МЧС: четыре побелённые стены, пульт, шумный компьютер, потолок, от времени жёлтый, грязные окна, календарь с патриархом, невеста откуда здесь взявшийся и висевший на двери, ржавый сейф — всё это капитан Андреев рассматривал каждое своё дежурство. И знал до чёрточки, до трещинки. Но сейчас он смотрел вокруг себя и будто не узнавал рабочее место — всё казалось ему каким-то чужим, нелепым, лишним.

Точно так же он оглядывал свой кабинет в УВД в тот час, когда к нему ворвались ребята из отдела по борьбе с внутренними преступлениями и устроили обыск. Андреев ждал их и понимал — что-нибудь найдут обязательно. На днях он вышел на барыгу, через которого наркотики разлетались по всей области. А там, где крупные партии, там крупные крыши. Кому, как

не Андрееву, проработавшему в органах двадцать лет, было это знать. Выбор стоял простой — или арестовывать барыгу и открывать неприятностям дверь, или закрывать на всё глаза и получать очередные звёздочки. Но зачем тогда он шёл сюда? Зачем терпел все девяностые нищету, отказываясь от взяток, ради чего он потерял семью, которая не смогла смириться с его правильностью? Андреев арестовал барыгу.

В кабинете опера нашли не учтённые наркотики. Проводивший обыск майор не стал разыгрывать комедию. Его реплика была прописана где-то в более богатых кабинетах:

— Предлагаем уйти по-тихому, с оставлением пенсии.

Андреев долго не мог поверить, что всё так быстро могло случиться. Час, два — и вот он на улице.

Вот и сейчас Андреев понимал — шанс спасти занесённых варинцев есть, но для этого придётся на уши поставить уже не область, а центральное управление. Наверняка, они пошлют и технику, и людей, но потом Дмитрич пошлёт куда подальше старого друга.

Метель сверлила окна дежурной части и душу Андреева, холодный кофе вызывал рвотные позывы, мебель расплывалась в глазах, только одно могло ему сейчас помочь забыться и договориться с совестью — коньяк. Он стоял в сейфе, холодный и ароматный.

Буран не думал остепеняться. Он рвал воздух, как русские рвали ордынцев на Куликовом поле. А потом французов на Бородино и европейцев в рукопашных схватках на Святой войне. Под “Ниву” варинского пенсионера Вележева летели ошмётками жертвы самой дикой сечи на белом свете — природы с природой. Непогоды с погодой. Пятеро человек, оказавшихся случайно посреди этой рубки, — разве могли они спастись?

Ася всё чаще дёргалась, как если бы все её конечности прижигали раскалённым металлом. Всё чаще её голова заходила в мелкой судороге, язык плёл то, что в обычное время никогда бы не сплёл.

— Не бойся, девочка, дыши, родная, всё будет хорошо, терпи, — бросали ей дежурные слова со всех сторон те, кто боялся больше неё.

Не в себе Ася была лишь снаружи, внутри неё царила гармония. Где-то там завершалось творение новой жизни, и, наверное, не было ничего странного, что в это время девочка начала сочинять стихи. Всевышний — Поэт Первый и Последний — тоже стихами встречал и напутствовал наш мир, который Создал от переизбытка любви. По той же причине с тех пор на земле рождались самые красивые стихотворения. И самые красивые люди.

Свой дар принимать кем-то нашёптанные строчки Ася забросила, как только поняла: с ней случилось страшное, она понесла. Маме сказала тут же. Пожаловалась, как на болезнь, как на где-то схваченную инфекцию. Зияда молча ушла в свою комнату, достала из-под железной панцирной кровати старый дубовый сундук. В нём хранились вещи её мужа Ермека, о ком она уже полжизни не получала весточек, но с кем то и дело общалась, прижимая к груди его одежду, бритву, пластинки, книгу Чингиза Айтматова “И дольше века длится день”, обёртку от детского мыла — подарил на день рождения сына...

— Ермек, мой Ермек, что делать мне? — закричала она так, что свет от подвешенной на проводе лампочки задрожал и потух.

Ася не решилась зайти в комнату.

Рано утром Зияда оделась и пешком отправилась в район, в большой продуктовый магазин, где накупила пряников и персикового сока — две трёхлитровые банки. Домой вернулась только к десяти и, поставив гостинцы на кухонный стол, позвала Асю.

— Это тебе, кушай дочка. Нам с твоей кокой родители всегда по большим праздникам вкусоности покупали.

И стали Жунусовы ждать дитё. Из школы Асю забрали, чтобы никто не затравил, да и завуч попросила — дурной пример заразителен. А по деревне пошли толки — от кого она могла тут залететь? Не изнасиловал ли кто?

Все сплетни, насмешки и вопросы в лоб — их так умеют задавать в русских деревнях — Ася будто не замечала. Её особенность — находиться в пространстве, но при этом как бы и не быть в нём, а летать где-то в других мирах, разговаривать с людьми, но на самом деле с кем-то невидимым — в этот раз спасала от всех столкновений с любопытной и злорадной действительностью.

Ася жила как в тумане. Отстранённая, заторможенная, не понимала, кто она, что вокруг происходит.

Буран бил всей своей мощью по “Ниве”. И каждый такой удар приносил Асе новое озарение — всё это происходит в отместку ей за непослушание и за нежелание слышать голоса земли. За отказ от своего дара, за нежизнь, за не-стихи.

— Бабоньки, держите её, что ли, — испугался Вележев, когда Ася вдруг вцепилась в его рукав и не по-женски крепко сжала его. Другой рукой роженица настырно пыталась зацепиться за стекло, но пальцы предательски скользили, оставляя на запотевшей поверхности дикий рисунок.

Она уже поняла — сейчас... И в этот момент снова провалилась в забытьё. Все указания тётки, которая первой пришла на помощь, Ася слушала сквозь туман и подчинялась им безоговорочно, как лишённая своей воли раз и навсегда.

Фариза навалилась туловищем между сидений, одной рукой быстро растегнула пуховик роженицы, сорвала цветной узорчатый платок с её плеч, и на ощупь проверила свои догадки — да, головка ребёнка уже лезла на Божий свет. Штаны Аси съехали. Казашка сбросила свою верхнюю одежду и перелезла к крестнице, кресло, насколько это можно было, уехало назад, к коленям Карима, спинка опустилась.

— Ну, всё, понеслось, — спокойно оценил обстановку Вележев.

Фельдшер “скорой помощи” тяжело вздохнула:

— Я к нему не прикоснусь. Сами рожайте. Я сидеть не хочу.

— Но ты хоть помоги, — взбесился водитель.

— Хоть помоги! — передразнила она его. — Ты мне потом передачи таскать будешь?

— Дура! — Вележев сказал бы и больше — никогда ещё такая злость не подступала к его языку, но вовремя одумался. Их перебранка с медичкой сейчас была ни к чему.

Зато за окнами перебранка природы не думала умолкать. Когда Фариза дотронулась до головки малыша — машину затрясло с новой силой. Пассажиров накрыла злая взрывная волна. Карим был уверен, что на этот раз сестра — причина турбулентности.

— Тужься, дочка, тужься, — кричала Фариза, пытаясь разбудить вдруг замершую Асю. Разбудить получилось. Только в роженицу словно вселился бес. Она ещё сильнее сжала руку Вележева и впиалась ногтями в автомобильное стекло, ноги её настырно пробивали крышу, изо рта доносился сорванный скрипучий голос...

Сергей Иванович еле справился с силищей, свалившейся на семнадцатилетнюю девчонку, — схватил её за руки и с трудом сковал их движения. В то же время, боясь причинить Асе боль или как-то помешать рождению, он тут же выпустил руки и получил удары по голове и лицу. Это лишь добавило сил пожилому учителю, и он снова, изловчась, поймал и зафиксировал Асины кулаки. Инстинктивно подпёр её правым коленом, чтоб не елозила по сидению.

Кто-то невидимый, но очень сильный и большой с размаху вдарил по “Ниве”. Она подпрыгнула и поползла куда-то с горы. Куда-то ещё ниже, ещё дальше в поле. В океан снега. Если бы хоть кто-то из сидевших в машине варинцев сейчас смотрел в окно, то он увидел бы, как машина тонет, идёт на дно и снег уже сыплет не сверху, а идёт вверх, пузырями.

Всё стихло и всё замедлилось. Сергей Иванович, выпучив глаза и роняя крупные слёзы, держал Асю, та волнами ходила под ним и под Фаризой, широко раскинув ноги. С Фаризы, чьи руки вцепились в наполовину вытуженное, окровавленное и склизкое существо, текли ручьи пота, и её мокрая

одежда вздувалась горбом, на этот горб уставился потерянный Карим. Кричала, глядя себе в ноги, Наталья Александровна.

Что-то вспыхнуло за окном. Яркий свет прокатился через салон машины и ушёл во тьму, мигнув ещё раз на прощание где-то за стеной снегопада. Машина во что-то врезалась. Встала застывшая. И всё застыло, всё встало в этот момент. Лишь гул бурана — этот космический гул — гулял между небом и душами.

И наконец, раздался крик.

Он прорвался из немоты, и был сначала так же непонятен людям, как если бы с ними — случись такое — заговорили ангелы.

— Камчатка, приём! — промолвил Вележев.

— Радость моя! — зарыдала Фариза, держа в своих дрожащих руках крошечную девочку, от которой тянулась к маме небесного цвета пуповина. От этой пуповины блеснуло надеждой. Ребёнок плакал, теперь крик не вызывал недоумений, люди привыкли к нему быстро и уже улыбались. На их глазах только что случилось чудо. Радость.

Этой радости здесь и сейчас было столько, что казалось, выюга за окном тоже жалеется, и становится пушистой и ласковой, как бабушкины вареники.

— Пелёнки-то хоть дайте! — первым вышел из счастливого ступора Сергей Иванович, кивая на медицинский чемоданчик, стоящий в голове у фельдшера.

— Так у меня нету, — ответила она.

— Эх, баба... — Но снова Беловой не досталось от водителя, потому что снова это было не к месту. — Ну-ка давай хоть так... — Вележев достал съехавший под сиденье Асин платок, что дала ей мама в дорогу, стряхнул его и, не выпуская из рук, подхватил на него малышку. Красные и сиреневые цветы, голубые звёзды, чёрные птицы встали вокруг нового чуда в хоровод и задвигались, и заволновались на ткани. Зажглись костром. Младенцу было в нём тепло и спокойно. Он затих, глядя по сторонам, удивляясь тому, почему удивляются другие. Но ещё не полностью была малышка в нашем мире, ещё соединяла её с материнской утробой, с первозданным раем пуповина, обрезать которую было нечем.

Тут спохватилась фельдшер. Открыла чемоданчик. Достала бинт. Скальпель. Зажим.

— Ой, зажим-то у меня всего один.

— Ты! Тварь! — не вытерпел Сергей Иванович, и младенец впервые услышал не богоданные слова, отчего его личико скривилось до нечеловеческого вида. — Ты зачем вообще поехала?! Врач ты или кто? Зажима у неё нет. Да у тебя совести нет. Кошёлка старая! — выговаривал Вележев. Он не кричал. Но в его интонациях была вавилонская злость. Вележев дрожал, как дрожала ещё минуту назад Ася. От греха подальше он передал ребёнка Фаризе.

— Давайте перевяжем с одной стороны бинтом, — выкрикнул Карим, чем остановил гнев Вележева. Тот не стал спорить с парнем. И быстро зубами разобравшись с бинтом, перетянул им пуповину. Достал зажималку, огнём отрубил упрямую ткань. Другую сторону пуповины держал зажим.

Фельдшер смогла лишь сделать надрез. Рассердившись не то на тупой инструмент, не то сама на себя, она стала пилить пуповину, тяжело дыша. Ребёнок истонно кричал, Ася плакала. Между ними перерубали самую прочную в мире связь. И эту катастрофу чувствовали оба.

Сергей Иванович взялся за пуповину с двух концов и порвал её на весу, раз и навсегда отсоединив одну букву от другой, одно слово от другого.

— Ну вот, отныне тебе своими снегами идти, — прошептал нежно Вележев и поцеловал девочку в голову. Он тут же забыл, что сказал, а если бы когда вспомнил, то не поверил бы — так красиво он никогда не говорил. И никогда не скажет. Это случилось от его соприкосновения с прекрасным, чистым миром. Возможно, именно ради этого соприкосновения он сам когда-то появился на свет. Родился, чтобы помочь родиться другому.

Чтобы случилась рифма.

Андреев так рассудил — надо для начала поставить на уши как можно больше людей. Забить тревогу. В роддоме все и без него было накалено, он это знал; в той больнице, откуда варинцев отправили в снегопад навстречу “скорой”, — тоже не спали и обкалывали друг друга успокоительными, а вот в самом Варино — там что? Знают ли там, что их люди сейчас одни в самой утробе вьюги? И неизвестно, живы ли они. Нашёл в справочнике МЧС телефоны Ксении Игоревны Гончаровой, главы Варино.

Перед тем, как набрать номер, в двадцатый уже раз вернулся к сейфу, достал коньяк, принёс его на пульт, поставил перед собой.

В справочнике был сотовый, но по нему отвечала только тишина: обычное дело при непогоде. Коньяк сверкнул своей чайной заворуженностью. Стал набирать домашний. Вызов за вызовом. Вызов за вызовом. Во рту у Андреева пересохло, жажда срочно требовала развязать добровольную кодировку. Дежурный потянулся к бутылке.

Ксения Игоревна, давно поднявшая своих детей на ноги и выведшая их “в люди”, что означало “за границы родного села, в города, в университеты, в офисы”, жила одна, пытаясь бороться с тоской и одиночеством всеми благородными способами. Например, работой. Работы она на себя взвалила много, практически всю, которая была в деревне. Глава, директор клуба, заведующая библиотекой, она же числилась в этих учреждениях уборщицей. Самой ей в последние годы была близка должность библиотекаря, хотя никто за книгами не ходил. Для отчётности она заводила абонементы на всех жителей своего села и любила развлекаться тем, что по характеру того или иного человека выбирала для него книги. Вот, представляла она, придёт ко мне, например, медичка наша? Ну, что с неё взять? Такая же баба, как я, одиночка, решившая под сорок ребёночка заиметь. Мальчик сейчас растёт, крепыш, милый, не в неё, мамки своей, породу. Я бы ей дала “Доктора Живаго”, мечтала Ксения Игоревна, хотя нет, ничего бы у Пастернака она не поняла, максимум, что осилит и не подавится, — “Прощание с Матёрой”.

И так Гончарова могла сидеть часами, угощая книгами невидимых своих читателей. И время, глядишь, убито, и журналы для идеальной отчётности заполнены! Идиллия деревенского интеллигента.

Новогодние дни Гончарова куковала одна с томиком любимого Тютчева. На первое число аж до пяти утра просидела. А вот нынче вырубилась в два.

Андрееву удалось пробиться сквозь лирические сны Ксении Игоревны в тот момент, когда он уже подносил коньяк к губам.

— Гражданка Гончарова, это с ромашеского МЧС, дежурный Андреев! — как можно громче и убедительнее прочеканил капитан, едва длинный гудок зашнулся о слабое старческое: “Слушаю”.

— Да, да, говорите... — ещё просыпалась Гончарова.

— Беда у нас с вами. ЧП настоящее, Ксения Игоревна.

— Ой, ой, ой, ой, — проснулась женщина, по тону собеседника догадавшись, что кончились её спокойные ночи в наступившем году.

Андреев рассказал, что знал.

Гончарова быстро, по-хозяйски расспросила дежурного, что предпринимает МЧС, ничуть не удивилась бездействию, потом стала консультироваться, сколько часов люди могут просидеть в машине, занесённой снегом? Есть ли шансы, что спасатели всё же выедут им на помощь и что смогут их найти? Она же сообщила очень важную деталь — раз до пассажиров не могут дозвониться из больниц, значит, скорее всего, они в районе Горелого леса. Это сузит квадрат поисков. Хотя при такой погоде — разочаровала она саму себя — связь могла прерваться где угодно.

— Долго ещё будет буран? Какая температура? Видимость хоть какая-то есть? И ещё одно, дежурный, слышите меня, — кричала она в трубку, на ходу одеваясь во всё тёплое — колготки, трико, штаны, две кофты, шарф, — вот ещё что, скажи мне там по своим компьютерам, через сколько рассвет начнётся?

— Рассвет через два часа! Температура минус тридцать. Ветер сильный, десятки метров в секунду, даже не буду говорить точно, чтобы не пугать. Видимости никакой. К десяти, обещают, будет потише. Но уровень опасности сохранится высокий... Продолжать?

— Я поняла. Запиши телефоны моих детей...

— Ты что задумала там? Отставить!

Что ещё мог прокричать в ответ дежурный МЧС Андреев? В своей размораживающейся душе капитан испытывал высокую гордость за русскую женщину Ксению Игоревну Гончарову, в голове которой созрел отчаянный план спасения.

Первые минут двадцать новорождённая жила на руках у Вележева — Ася, из последних сил выцедившая из себя плаценту, сразу же отключилась. Девочка уже не плакала, тоже попривыкла к людям и только судорожно всхлипывала. Сергей Иванович прижал узорчатый кулёк к себе и почувствовал, как море нежных мурашек перешло от маленького тельца к нему.

— И что за красивый платок у тебя, доченька! — восторгался он, глядя на личико новорождённой. Большущая круглая голова, еле заметный нос и рот — с его ноготь. Зато глаза — как у взрослой. Чернее нынешней ночи. И такие же тревожные.

В этом расписном платке девочка смотрелась, как матрёшка. Никто в машине не увидел в тот момент, как содрогнулось тело Вележева и как по щекам полились слёзы. И никто на целом свете не смог бы объяснить, почему так получилось, но сейчас на него смотрел не ребёнок, а покойная жена. Тоже казашка, родившаяся в России. И эти узоры на платке Аси до невозможности напоминали те узоры, что были на свадебном платье его Нади. Ах, как она в нём кружилась по осеннему голому полю, орнамент рассыпался и разлетался от девушки мазками, и уже в воздухе мазки снова дорисовывали птиц со звёздами и море ярких цветов.

Он любил её. Любил с детства. Надя с родителями жила по соседству. Лет до пятнадцати парень боялся даже заговорить со своей мечтой, но когда увидел, что он не единственный, желающий делить с ней сеновал и кровать, пошёл на абордаж. Набравшись смелости, прямо с порога выпалил её родителям — когда присылать сватов? Отец Нади, человек, прошедший войну, служивший в полковой разведке, не запустил в него поленом, что было очень даже ожидаемо, а отнюдь — по-доброму расхохотался и скомандовал жене, чтобы та ставила на печку чайник.

— Заходи, Серёга! Выьем вместе, коль такой серьёзный.

В тот вечер батя невесты выпил столько, что рассказал обо всей своей войне, но про сватовство умолчал.

— Я десятки языков приводил, Серюнь. А что такое языка привести, знаешь? Человек двадцать сначала надо вырезать. Как скот. Но всё это херня. Знаешь, чем я горжусь, сопляк?

— Дочкой?

— Да бабай бы с ней! Вот я тебе скажу. Я однажды приволок две катушки фашистского провода. Для нашей связи. У немцев, собак, провод был хороший. Не гнил по болотам, как наш. А если у нас связь пропадала, знаешь, что делали? Посылали связиста, а это — голимая смерть, Серёга. Никто не возвращался. Так вот этими своими катушками я роты две связистов спас! Две! Во как!

— А с дочкой-то что? Камчатка, приём!

— Да бабай с ней, чего ты всё дочка да дочка...

Понял тогда пацан — не с того начал своё сватовство. Следующий раз он уже подошёл к самой Наде. Подсел рядом в передвижном кинотеатре — тогда такие ездили по селам. Так началась их история.

Через два года Вележев послал сватать любимую всю свою родню. Ещё через два месяца, как сняли урожай, отыграли свадьбу.

И бегала его казахская царица по предзакатному голому полю, купаясь в ярких узорах, сливающихся при кружении в цветные линии и рассыпающихся брызгами в те секунды, когда наступал её тот, кто уже не боялся целовать её груди и все запретные места.

Те кружения в вышитом платье Вележев вспоминал отныне всегда, когда наступала грусть. Особенно часто — после смерти жены, сердечницы.

Грустил и оттого, что не всё в жизни сбылось, как мечталось. Не всё ладно сложилось.

Не получилось с профессией. Вележеву было всего семь, когда его впервые повели на скалу, самую высокую точку в окрестностях, повели “запускать сатану”. Так называлась самая грозная ракета, придуманная советскими учёными, она несла на себе ядерные боеголовки, и не по одной, а целыми гроздьями. “Сатана” была под страшным секретом, но сосед, отец красивой дочурки Надьки, об испытаниях ракеты смерти знал многое и не находил причин скрывать это от варинцев. Вот и в тот раз он подробно рассказал всем собравшимся, по какому маршруту, по какой трассе, летит “Сатана”, и что их район как раз задевает эту трассу, и что летит она не в противника, а в космос, а оттуда боеголовки отстреливают на полигон, где и взрываются:

— Полигон этот аж на Камчатке, даже я там не бывал, а вам тем более там не бывать.

Ракета в тот день взлетела по расписанию, разделив не только небо, но и жизнь Серёжки на до и после. Это тогда Вележев замечтал, что лично когда-нибудь скажет в рацию: “Камчатка, приём!”

Быстро народились девочки, нужно было работать, строить дом. Требовались тогда электрики на селе — в колхозе стали переходить на новое оборудование, — вот и выучился. Был шанс поступить в военное училище, даже вызов дважды приходил, но куда там. Ранний брак, трудно решаемые проблемы. Так и проработал всю жизнь электриком. Ближе к пенсии перешёл в школу.

Пока была жива Надечка, Вележев об этом не жалел, но вот не стало жены и — будто взорвалась “Сатана” в сердце, давай царапать своими осколками душу. Искусшала. Стал надумывать, что, мол, зря он жизнь посвятил детям. Они, неблагодарные, выросли и уехали, не звонят, не пишут. Ну, и рванул бы на учебу в другой город! Перетерпела бы молодая жена годик, другой. Потом перевёз её с первым дитём себе под крыло. И зачем ему вздумалось гнить в этой дыре, провозжая завистливыми взглядами уносящиеся ракеты?

Эти мысли ели Вележева день ото дня. Прогонять их удавалось лишь, когда звонили дети. Но это случалось всё реже — как пуски на Байконуре.

Сейчас, держа на руках маленькую черноглазую свою Наденьку, завернутую в платок, будто из свадебного платья, Сергей Иванович снова прокрутил в голове то хорошее, что было с ним, и то, чего не было, прокрутил тоже. Снова взяла горькая обида, обида принесла с собой острое покальвание в сердце, мир перед глазами рассыпался осколками всех цветов, какие бывают при прохождении баллистической ракеты сквозь атмосферу.

Вележев, собрав последние силы, передал малышку Фаризе и, в последний раз взглянув в глаза ребёнка, улыбнулся. Подумал — нет, всё же не зря я прожил, к чёртовой матери пусть катятся все мечты, если есть любовь и дети. Если ты соучастник чуда, а не ядерной победы.

И ещё подумал он: какая глупость жалеть себя и упрекать за то, что не успел и не смог сделать! Всё это так же бессмысленно, как спорить с метелью. За окнами бесформенными камнями падал снег. Снегу было много. Даже по меркам этой ночи. “Вот вам “Сатана” и пробила небо”, — пошутил Вележев. И — закрыл глаза.

От ужаса Ваня всё реже заглывал горячий горький воздух затопленной печи-голландки. Её заслонка находилась между кухней и детской, в небольшом коридоре, и именно там сейчас происходило то, что так пугало десятилетнего мальчика.

Мама Вани, фельдшер местного ФАПа, Наталья Александровна Белова, уходя, забыла закрыть на засов заслонку. В середине ночи сквозняк или ещё какой леший распахнул её и вместе с тем выдул из очага свежие угольки. Выдул на небольшую поленницу — Белова по своей бабской привычке складывала дрова прямо у поддувала.

Огонь разгорался быстро, мощный и настырный, своими языками он лупил трубу так, что она тряслась и скрипела. “Может быть, это дракон?” —

думал Ваня и не в силах зашнуровать свой страх под кровать, сам то и дело перебирался туда, в одно из самых безопасных и не пыльных мест в доме.

— Ма-ма, — повторял он как молитву.

Быть мамой она, седьмая из десяти детей в сельской бедной семье, мечтала с девичества. Но слишком падкая оказалась на парней. Спала с ними, не думая, просто ложилась в койку, потому что считала — это нормально. К тому же интересно. Да и чем ещё заниматься в этой скучной жизни? Плыла по течению девушка, заплывая то и дело в местную гинекологию, где после очередного аборта потеряла все шансы на свою мечту.

Став бездетной, Наташа не опомнилась, за ум не взялась. Кое-как окончила медицинское училище, кое-как, через знакомых, нашли ей место в деревушке, затерянной в уральских горах.

Варинцы медичку Наташу невзлюбили — не своя, да ещё без царя в голове, без твёрдой линии в жизни, как тогда говорили, а таких в суровых краях не жалуют. Наташа варинцев невзлюбила ещё больше. Слишком уж они были прямолинейные, говорили, что думали, и все считали себя главными распорядителями и советниками её беспорядочной жизни... “Медведи, как есть медведи”, — говорила она им в глаза, так как за глаза сказать было некому.

Так и жили — она не ждала ничего хорошего от варинцев, они не ждали ничего от неё. Есть и есть. Как поле — оно есть, поле нужно, без него никак. А так бы пропади оно пропадом — пахать его, сеять, обрабатывать, доказывать самим себе право называться людьми. Да только вот года два назад Наталья Александровна вдруг выкинула такое, отчего шум по деревне до сих пор, по совести сказать, не умолк...

Стояла весна. Солнце только справилось с сыростью, присушило дороги и огороды, вытянуло из-под земли первые ростки, развезло коровьи лепешки, расшевелило мух... И вот в такую-то пору рано утром Наталья Александровна выехала из Варино в сторону города, выехала на казённой машине, но не в халате, а в лёгком пальто и в чёрной шляпке, взятой напрокат у интеллигентной главы и библиотечарши Ксении Игоревны. Из-под шляпы вились выкрашенные в блонд кудри. Широкие щёки и двойной подбородок были намертво заполированы пудрой.

Белова напоминала очень толстого и очень большого ангелочка, должно быть, забытого тут ещё до великого потопа.

— Всё! Сдалась баба, поехала в другой курятник, — строили выводы старики, встречавшие утро на брёвнах у магазина.

— Да за петухом, поди, поехала баба. Чё? Ещё ничего! — говорили те, кто помоложе.

— Или, может быть, за тонометром, — кряхтели те, кому от шуток про петухов уже было не смешно.

Но ошиблись и те, и другие, и третьи... Ошиблась вся деревня. Из города Наташа вернулась с восьмилетним мальчиком Ваней.

— Вот, сыночек мой, — говорила она и плакала.

Мудрые старухи сразу поняли причины Наташкиных слёз — сына-то она взяла из приюта:

— Ну, а что ещё делать, коли Бог своего дитя не дал, а мужики только за прижигом заходят.

Полюбили Ваню в Варино. Грех такого не полюбить — добрый и не поддетдомовски нежный. Хотелось безостановочно угощать такого конфетами и жарить для него котлеты.

— Ох, Наташка, за что тебе такое счастье? — упрекали медичку пациентки, которых, знамо, после такого-то события поприбавилось. — Мы маемся со своими, от себя отрываем, поднимаем детей, как можем, а они только из-под стола — и на маму не глядят. А твой с тебя глаз не сводит, да с такой благодарностью.

— Ох, бабы, — честно отвечала она, — сама не знаю! Не заслужила я такого.

— Ведь не заслужила, — поддакивали женщины, — но за такие подарки вдесятеро спрашивается. Ой, медичка, смотри, чтоб было чем крыть-то.

Сына воспитывала в ласковой строгости. Не баловала, учила в огороде работать, баню топить, часто ходила с ним в лес по грибы, по ягоды, играла с ним каждый вечер, читала по часу, по два, делала с ним уроки, а уж одевала-то как! Ваня — первый модник на деревне. Зато, если у мальчишки когда слово какое худое вылетало или огрызаться начинал, или капризничал, Наташа не брезговала попороть ремешком, била, да приговаривала: “Ты прости, что я так с тобой, но сам потом мне спасибо скажешь”.

Особенно поводов взяться за ремень Ваня не давал. Одно лето только трепал нервы матери тем, что зачастил на реку к старому навесному мосту. Уходил всегда без спроса. Первые разы Белова всю деревню на уши поднимала, на глазах у соседней седела: “Люди, мои соседюшки, помогите! Украли, или сбегал в свой детдом”, — вошла она, стучась в двери по всей улице.

— Вот дурная тоже! Чё ему в детдоме-то делать?

— Я читала в книжках, что тянет их туда, как будто. Убёг!

Минут через двадцать после истерики кто-нибудь из мужиков приводил её Ванечку. Наталья, чьё лицо к тому времени уже распухало до размеров бочки и покрывалось красными пятнами, трясла припадочно в знак благодарности своими кудрями и торопилась скрыться с глаз долой.

Один раз, в конце лета, Ване надумалось не стоять — как обычно — под старым навесным мостом, провоякая плывущие по быстрой реке брёвна, листья, водяных змей, а надумалось забраться на деревянную скрипучую громадину! Поднимаясь по гнилым ступеням, мальчишка видел и чувствовал, что перила и доски под его ногами ходят ходуном, прогибаются, трещат, но настырно шёл дальше. Когда Ваня подходил к животу моста, одна из досок под сапожком рухнула и полетела в воду — до неё здесь было метров пять. То, что он крепко попал, Ваня понял сразу. Боль под коленом всё усиливалась, но мальчик не стал к ней привыкать — нужно было вытаскивать ногу. С этим он справился быстро. Но что делать теперь? Идея прыгнуть для девятилетнего мальчугана, растерянного и ещё не пережившего первый испуг, показалась самой удачной. Ваня в решимости посмотрел вниз и замер. Река неслась под ним быстрее паровоза. Нет, прыгать отсюда слишком страшно!

Нога ныла, и что-то щекотное бежало под штаниной в носки. Оставалось только плакать и ждать помощи. Через час у моста собралось полдеревни. Наталья Александровна, рыдая, то и дело порывалась подняться к сыну, мужики хватили её за шиворот и волокли к опорам.

— Дура! И сама там раскорячишься, и ребёнка погубишь! Сиди тихо!

— Спасите, помогите... — редела она. Рыдание её каждый раз переходило в ругань. — Я говорила тебе, тварь неблагодарная, не ходи ты сюда. Подыхай там теперь, скотина!

— Вот и Ванечка о себе знать дал. Детдом есть детдом, — судачили бабы на берегу.

Со стороны деревни к толпе подошёл Карим Жунусов. В то лето он перепоступил в машиностроительный техникум в городе. И через два дня должен был уехать, заселяться в общагу. Сегодня он обходил деревню от нечего делать, убивал время.

Карим прошёл молча мимо всех. Поздоровался лишь с Беловой, к тому времени уже ничего не видевшей и не слышавшей. Она тупо смотрела на воду.

— Ты чё, тетя Наташ, клея обнюхалась? — спросил её Карим.

— Чё-о-о-о? — лишь протянула тётя Наташа горловым голосом в ответ.

— По-ня-тно-о, — сделал свои выводы молодой казах. И стал раздеваться. Снял штаны, стянул через низ футболку с огромным вытянутым воротом...

И вмиг кошкой прыгнул на толстую деревянную опору моста.

Что делает Карим, смекнули не все и не сразу. Парень правильно рассчитал: самое крепкое на этом мосту — опоры, они ещё лет сто простоят, срублены на совесть, из цельных стволов. По ним можно уметь вскарабкаться до пролёта. Жунусов умен, не зря же он, когда по деревне пошёл слух о его страсти к воровству и жители стали запирают двери, умудрялся залезать в дома через чердаки и открытые окна вторых этажей.

До пролёта “вор” вскарабкался в считанные секунды. Но что он будет делать дальше? Толпа на берегу замерла. Белова запищала что-то на непонятном языке. Карим добрался до самой верхушки опоры и занёс ногу на верхний канат. Теперь даже женщины поняли его план. И ещё больше ужаснулись. Один из мужиков объяснил решение Жунусова:

— Молодец, парень! Канат натянут, он всё выдержит. Доски под ним бы посыпались. И перила бы надломались, а канат сдожит. Ну, голова!

— Главное теперь, чтоб эта голова кровью не залилась, — простонала Надюха. — Тоже мне циркач.

Карим осторожно шёл по канату, уходящему вниз, с трудом удерживая равновесие. Ещё на земле ему казалось, что это проще простого. Канат был натянут плотно. От поступи Жунусова мост даже не качался, не раздавалось не единого скрипа. Ваня, конечно, заметил приближающегося парня — стало любопытно. Такого он ещё никогда не видел! Оставшиеся до Вани метры канатоходец преодолел быстрым шагом, — можно сказать, он просто сбежал к животу моста. Сделал это, не осознавая, поддавшись панике. И тут равновесие его всё-таки подвело. При падении Карим успел поймать руками канат. Сейчас он висел прямо перед Ваней.

— Ты видал, какой я каскадёр? — Карим дрожал от страха, но пытался улыбаться и быть с мальчишкой мягким. Мол, ничего особенного не происходит.

— Ага-а-а, — и у Вани зажглись глаза. — Я думал, ты упадёшь!

— Кто, я? Да ты гонишь! — Жунусов почувствовал, что его пальцы соскальзывают с каната, времени на разговор оставалось всё меньше.

— Короче, Ванюха, хочешь, вместе трюк сделаем?

— Хочу!

— Только делать надо всё быстро. Вопросов не задавай. Доски видишь между мной и тобой, выбивай их.

Ваня послушался. Доски не капризничали, поддавались. Летели в воду, но перед этим больно оцарапывали висящего над пропастью Карима. Сил держаться за канат оставалось всё меньше...

— Ваня, теперь слушай, брат, слушай. Сейчас прыгнешь на меня, обхватишь за шею. Глаза закроешь. И рот. И не открывай, пока я не разрешу. Прыгай на счёт три. — Пальцы уже заскользили вниз, Карим заорал так, словно пытался удержать себя в воздухе этим криком. — Три-и-и-и-и!

Ваня успел заскочить на Карима, Карим спиной полетел в реку.

В этот момент замолчали чайки, с берега в воду в шоковом молчании побежали все, даже собаки.

Карим тогда спас Ванюшку. Но сейчас казахский паренёк был далеко от него — он сидел в машине посреди снежной бури, не в силах ни говорить, ни думать. А мальчишка, уже немного повзрослевший, снова оказался один на один со смертельной опасностью. “Мама”, — звал он Наталью Александровну, звал шёпотом, боясь напугать того дикого зверя, что топтался сейчас в коридоре у печки.

— Мама! — Но мама сидела в той же машине, в логове метели.

Огонь уже охватил все дрова, обогнул голландку и теперь облюбовал деревянную стену, а там, в считанных сантиметрах, была дверь спальни, в которой Ваня, не дождавшись мамы, залезал под кровать.

Сергей Иванович парил над заснеженным полем, место походило на степь — ни деревьев, ни кустов, — временами лишь поблёскивали на солнце холмы; светло-снежные, они казались заплатами на бескрайней белой простыне. Последний раз Вележев летал ещё до тридцати, во снах. Тех своих неожиданных подъёмов боялся, всегда торопился опустить себя на землю, но не выходило.

Человек часто спрашивает себя, живёт ли он? Но вот надо же, когда попадает на небо, такой глупый вопрос уже не мучает его. Он знает, что живёт, что жил и будет жить вечно. Жить вечно там, куда летит. Это знание даёт радость, радость не земную, а ту, которой радуются святые. “Если бы люди на земле знали об этом, если бы сам я знал об этом, все вопросы

о смысле жизни, о том, как эту жизнь правильно пройти, все томления души по нелепым, ничтожным поводам, все обиды и зависти, желания возмездия над другими... — всё это исчезло бы. И как бы сладко и радостно — вот именно радостно — стало бы всем. Тогда бы поняли мы: главное на земле и на небе — радость. А постигнув её, двинулись бы к постижению любви. Той, от которой всё началось и которой всё продолжается. К ней мы идём, каждый из нас, каждую секунду.

О своих прозрениях Вележев уже не мог рассказать никому — он летел над заснеженным полем, тихо и тепло было вокруг и внутри.

Впереди показался огромный город.

О, что это был за город! Ни один поэт не опишет, электрику и учителю ОБЖ тем более не по зубам! Дома — как дворцы, мосты — как радуги, ворота подобны жемчужинам, башни и стены из ясписа и изумруда, сапфира и топаза, из всех камней, за которые на земле продают душу. Но здесь, на небе, грош им цена. А сколько света, сколько ослепительного света было в этом городе! И все знали, Кому этот свет принадлежит, и Сергей Иванович тоже знал, и уже шёл в этих лучах. До города оставалось долететь считанные мгновения... Но вот он стал опускаться. То, что последние метры придётся пройти на своих двоих, Вележев тоже заранее предчувствовал, поэтому легко поддался силе, прижавшей его к полю. Только здесь, внизу он смог оценить длину и высоту тех драгоценных стен, что сверху казались не более чем игрушкой. За ними пел многотысячный хор. Новоприбывший разбирал все слова, он уже откуда-то знал все ноты и знал своё место в этом строю нечеловеческих голосов. Последние шаги оставались до города вечной радости... Последние шаги по снежному полю.

Что-то схватило Вележева за рукав, и не пускало дальше. Он обернулся и понял, что стоит посреди облепихового куста. Колючие ветки, как тысячи маленьких крючков, подцепили несчастного и не давали сделать даже шага.

— Пусти меня. Ну, пусти, пусти! — умолял Вележев по-детски, и когда понял, что просить бесполезно, разрыдался от жалости к себе.

После разговора с Андреевым Ксения Игоревна побежала по деревне. Нужно было собрать мужиков и найти машины. С мужиками более-менее получилось, а вот с машинами оказалось сложнее. Многие разводили руками, мол, сломана тачка, далеко на такой не уедешь. Гончарова уже и Ветерана с Егором, его сыном, взяла на подмогу, думала, с ними её просьбы будут звучать веселее, убедительнее. Но и это не помогло. Час потратили, а нашли лишь “Ниву” — у единственного во всем районе живого ветерана Великой Отечественной. Сам он уже давно болел, никуда не ездил, но по привычке за машиной ухаживал. Когда услышал о беде, извинился, что не в состоянии даже десяти шагов пройти. Ветеран обнял его, как отца.

Вторую машину — американский внедорожник — забрали у Вити Колобова, мелкого бандита с большими политическими амбициями. Колобов был вдрабадан, но порывался сам сесть за руль, орал при этом что-то про воровскую власть, которая дачи свои расчищает, пока людидохнут. До машины он так и не дошёл — рухнул в снег, пришлось варинцам ещё и с ним возиться.

Тут только глава Варино вспомнила о Ване — дом Колобова находился по соседству с Беловой... Мальчишка же остался один! Проснувшись утром, не найдёт матери, испугается, что-нибудь в панике натворит — дети есть дети.

Когда она подходила к фельдшерской избе, огонь из печки окончательно вылез в коридор и уже перекрыл выход из спальни. Сам Ваня дрожал под кроватью, всё ещё путая пожар с беснующимся драконом из сказки.

Ксения по очереди заколотила во все три окна. “Ванюша, Ванюша, просыпайся! Это тётя Ксюша! Я от мамы”. Ванюша, набравшись смелости, не дыша, в одних трусиках подошёл к окну детской в тот момент, когда с другой стороны к этому же окну пробралась тётя Ксюша. Та, улыбаясь, кричала сквозь мороз и стёкла: “Ванечка, одевайся и открой мне двери! Ванечка, слышишь”. Здесь дверь за спиной у ребёнка вспыхнула, мгновенно

и сразу, пламя озарило комнату не хуже электрического света. Ксения Игоревна вскрикнула и попятилась назад. Всё это увидел Егор, прогревавший машину Колобова, его отец ещё возился с бандитом.

Огненный дракон наступал стремительно. Егор — он уже подбежал к окну — кулаком разбивал стекла. Глава успокаивала Ваню:

— Это всего лишь огонь, сейчас мы тебя вытащим, это каскадёр пришёл, помнишь, как тогда, на мосту?

Ваня вспомнил, закивал, заулыбался.

Выбив стекла, Егор стал выламывать рамы. К этому времени подоспел Ветеран. Вдвоём они справились быстро.

— Ох, мужики, что за ночка, что за ночка! Хорошо, хоть погода подуспокоилась, — кричала восторженно Гончарова, и было непонятно, чем она больше восторгается: тем, что метель поутихла, уступив месту крепкому морозу, или что ночка выдалась как из её книжек — напряжённая, нервная?

Ваню в чём был выставили в окно, обернув в одеяло, другим одеялом Егор сбивал пламя. Ветеран помогал дублёнкой, которую нашёл между кроватью и стеной. Дракон пошипел, повздыхал, да и сдался. Для надёжности угли залили водой из кухонных бочек.

Мальчишку отдали Зияде Жунусовой. К удивлению всех, она была спокойна и, кажется, искреннее не понимала, зачем десяти человекам на двух машинах ехать за её дочкой.

— Ой, да неужели кутига такая, что их закрутила? — спрашивала она, не веря в такие проделки природы. — А я её тепло вроде одела, ничего, по-ди, не будет с ними, а?

— Да, конечно, не будет, ты чего, крещеная же? Ну вот!

С этими словами варинцы выехали из деревни. “Американцем” управлял десантник Гиря, за руль “Нивы” сел Иван Алексеевич, водитель школьного автобуса, немолодой, пьющий, но рукастый. За время, выделенное на сборы, он успел приделать к капоту лопату от мини-трактора, получилось подобие снегоборщика. Мужики аж присвистнули!

Они ещё не знали, что вся их техника окажется бессильной перед той стихией, что обрушилась на склоны уральских гор, пытаясь не то сдвинуть их с места, не то сравнять с землёй...

Спустя несколько часов после отключки Вележева Белова не выдержала и затрясла за плечи.

— Иваныч, просыпайся, Иваныч, помрём тут без тебя.

Иваныч к этому времени походил на покойника, лицо раскрасилось в цвет хмурого летнего неба, губы окоченели и подчеркнулись ярко-синей полоской, обвалились щёки. Дыхание стало почти неуловимым, таким тихим, что если бы кто вздумал к нему прислушаться, то обязательно пропустил бы тот момент, когда душа отлетает в пугающий атеистов мир. Но не это насторожило врача, а долгий сон водителя. Хотелось уже прервать жуткую тревожную паузу: вместе с Вележевым спала роженица, её брат, Фариза качала на руках младенца, губами и слезами отогревая щёчки.

Иваныч медленно открыл глаза и зло посмотрел на медичку.

— Хватит спать-то, не на печи небось. Смотри вон погода чё, — быстро проговорила Белова и захлебнулась накатившим радостным волнением — он всё-таки жив!

Вележев прозевался, посмотрел на часы — впервые с того момента, как уехали из деревни, поинтересовался временем — около десяти утра. И только сейчас перевёл взгляд на пейзаж за окном.

Метель поутихла. За капотом лежало взбитое ветром, сметанное поле, его съедало небо. И казалось, что этого неба было больше, чем всего остального, только слева синел лес, превратившись в монолитную синюю скалу, готовую вот-вот лопнуть под тяжестью снега и разлететься ледяными осколками.

Сергей Иванович тяжело вздохнул, на краю выдоха вспомнил свой сон, успел подумать, что, может, то и не сон был вовсе, но быстро отогнал от себя мысли, попытался их заговорить.

— Что делать-то будем?

В это время проснулся Карим. Он спокойно и уверенно смотрел в окно, будто и не засыпал вовсе, а так и встретил рассвет.

— Так значит, девки, Камчатка, приём! — не дождавшись предложений, собрался водитель. — Судя по всему, нас укасило от Горелого леса. Где-то здесь, говаривали, когда-то стояла деревня.

— Ну и чё? — не поняла Белова.

— Ничё! — прикрикнул Вележев, задетый бабьим хамством. — Трубки ваши не заработали? Вроде без снега лучше ловить должно.

— Ага, заработали! Америку сейчас поймают, — дерзила медичка. — В деревне и то сейчас, поди, всё глухо после такого-то снега.

— Ой, а у меня и вовсе сел, — сказала Фариза легко и весело. — Я его уж дня два не заряжала, кому мне звонить-то, Господи.

Такую беззаботность и такое спокойствие Вележев тоже принял за хамство. Он был готов доходчиво объяснить им, какие они бабы, дуры, но тут резко дёрнулась до этого мирно дремавшая Ася. То была не просто судорога. Голова забилась о кресло, сильно затрясло всё тело.

— Ещё не лучше, — недовольно пробурчала Наталья Александровна.

— Да заткнись ты! — не выдержала Фариза и быстро всучила ей в руки новорождённую. — Подержи ты!

Белова от растерянности приняла дремавшего ребёнка и замолчала.

Ася закричала. Она звала маму, крёстную, отца, свою учительницу, Бога, ещё каких-то людей, и всё это в одном длинном неразборчивом слове. Всё, что можно было разобрать, — девушке сейчас больно и что-то изнутри взрывает её и не даёт дышать.

Никто не понимал, что делать, все смотрели на мучающуюся Асию и молчали. Даже Фариза не решилась приблизиться к ней.

Действовать решил Карим. Он дёрнул за ручку двери, та поддалась не сразу — держал наметённый снег. Отодвинув мокрую вязкую массу, Жунусов выпрыгнул и тут же почти по пояс провалился. Пассажиров окатил морозец, прорвался ветер, задув уши и рты, отхлестав лица и шеи ледяными метёлками. Но больше всего досталось парню — он будто попал в густую сосновую чащу, в каждый миллиметр его тела впивались иголки с холодной капелькой снежного яда на конце. Выбраться из этой ловушки было почти невозможно. Местами колочий снег доходил до самой шеи. Карим начал задыхаться. Мороз кусал всё чаще и сильнее...

В это время на переднем пассажирском сидении слабые маленькие пальцы Аси пытались зацепиться за кресло, но как только ногти впивались в их обшивку, потряхивать начинало всю машину.

— Да ты что, девочка! — перепугался Вележев. — Эпилепсия что ли?

— Ой, это что, как тогда? — перебила медичка и тоже затряслась. Она вспомнила, что уже такое действительно случилось с этой дурной казашкой и что длилось это каждый раз по десять-двенадцать часов — никто не мог остановить. Врачи из города сказали, будто это не совсем эпилепсия, но что именно — никто толком ответить не смог. Советовали при повторных приступах растирать холодной водой тело и делать успокоительные уколы.

Но сейчас эти Асины приступы были ой как не к месту и не ко времени; это понимала медичка и тряслась от злости всё сильнее.

— Я ей укол делать не буду, я сидеть не хочу, — запела она старую песню.

В машину нырнул Карим, с огромными комками снега. Он дрожал и не мог пошевелить пальцами. Но впервые он потерял спокойствие и был чем-то возбуждён.

— Там, короче, это... мы, короче, в каких-то кустах сидим, они нас держат, дальше провал. Носом можем туда, вниз... — быстро и сбивчиво говорил Карим, но мало кто его сейчас слушал. Фариза велела ему немедленно растирать руки, а сама перевалилась к племяннице и, быстро оголив её тело до пояса, принялась водить по нему снежными комками. Сначала медленно, как опытная массажистка, потом всё быстрее. Ася холод почувствовала не сразу, лишь когда вода потекла по её молодой коже. То, что случилось дальше

и вовсе изумило и тётю, и врача, и Сергея Ивановича. Ася будто захотела сломать саму себя. Обхватив туловище руками, она резко бросала его из стороны в сторону, нагибалась, как берёзовую ветку, выжимала из себя впитавшуюся снежную воду, и при этом сильно плакала, жалуясь на адские боли и озноб.

И вдруг так же внезапно, как началось, всё закончилось. Ася успокоилась. Упала на спинку кресла, уставилась в небо. Она не видела, что Фариза за её спиной сложила руки в молитве, а брат широко заулыбался.

— Ну, сеструха, ты даёшь! — сказал он. Что-то быстро достал из кармана и положил в рот. — Есть хочешь?

Ася молчала, она не понимала, что происходит и где она. Её новорождённая дочь спала беззаботным сном, ни разу даже не всплакнув во время приступа.

Прошло минут семь. Вележев попытался поговорить о том, как действовать дальше, порасспросить у Фаризы о приступе Аси и о том, может ли это повториться. Наконец, он хотел сказать, что замёрзла труба. И совсем скоро их всех одолеет колотун, поэтому надо лезть за газовым баллоном, который он, как заправский рыбак, всегда возит в багажнике, но всего этого он не смог сказать, не хватило сердечных сил, что-то перехватило горло, окаменело в груди, потемнело в глазах.

— Карим, — протяжно позвал Вележев. — Ты там ягоды какие-то жевал...

— Так да, сеструхе набрал, там с кустов у машины, говорю же... — снова затараторил Карим, но был перебит железным стоном Вележева.

— Дай мне, — и уже, переводя дух: — Под язык хоть подложу, ягода-то хоть какая?

— Облепиха. Хорошая. Самое то ей сейчас...

Тут Сергей Иванович увидел перед собой три пальца Жунусова с почерневшими ногтями, зажимающими оранжевую ягодку.

Тем временем непогода пошла на второй круг, разгонялась, на горизонте скопилось ватага белых рыцарей, готовых по свистку невидимого судьи броситься наперегонки друг с другом.

— Пошли вон! Чего надо вам! — закричала Наталья Александровна, она по-прежнему сидела сразу за водителем, по-прежнему некрасивое, опухшее лицо её выражало злость и недовольство. Внезапный крик отдавался в ушах попутчиков металлическим скрежетом. — Что пришли опять? Заткнитесь, я сказала. Заткните-е-е-е-есь!

Сидевшая рядом Фариза закрыла уши малышки руками. Ася спала, Сергей Иванович и Карим растерянно смотрели на обезумевшую женщину.

— Проклятые, что вам надо?! Да замолчите вы! — медичка остервенело стала бить воздух.

В это время снежная армия двинулась в сторону “Нивы”, будто весь этот смертельный легион воспринял крики Натальи за сигнал к атаке...

— Будьте все прокляты! Ну, что вам надо-то! А-а-а-а! Ну, простите меня, грешную! Тварь я! Тварь!

— Ох, Камчатка, приём, вот напасть ещё! — забурчал Вележев и переглянулся с Фаризой. Та ничего не сказала, а лишь кротко посмотрела на него, Иваныч всё понял.

— Давай, — согласился он и перегнулся к Фаризе за малышкой. Он нежно обнял кроху; как мог, заслонил её всем своим телом от истерики медички, одной рукой, почерневшей и полопавшейся от холода, прикрыл маленькую головку.

В этот момент снежный батальон врезался в “Ниву”, качнул её и понёсся куда-то на край поля, чтобы тут же вернуться обратно и снова завертеть свою лютую карусель. “Ниву” трясло и царапало. За окнами свистел буран, в машине билась в истерике Белова. Фариза укачивала её так же заботливо и с такой же любовью, как минуту назад новорождённую.

— Тихе, тихе, родная моя. Всё пройдёт, всё пройдёт.

Никому никогда Наталья Александровна не расскажет, но тогда, посреди бурана, к ней вернулись самые невыносимые галлюцинации. Крики детей. Крики её неродившихся младенцев. Убитые дети всегда возвращаются!

Впервые плач новорождённых она услышала вскоре после переезда в Варино. Сначала думала — временное помешательство, но крики стали приходиться всё чаще. И одолели совсем. Мало-помалу Наташа свыклась с невидимыми гостями, научилась отличать мальчишеские крики от девчачьих, разговаривала с ними, успокаивала, упрасивала уйти и не возвращаться, но те не слушались. Галлюцинации рвались в её дом из ярких знойных закатов, из осенних холодных ночей, из кромешных снегопадов.

— Ма-ма-а, — звали Наташу десятки голосов, залетавшие в её спальню вместе с тенями, светом и сквозняками, эти голоса парализовывали несчастную, и всё, что чувствовала она, — это детское дыхание.

Неизвестно, до чего медичка могла дойти в своем недуге, но однажды её осенило, а что если спасти какого-нибудь ребёнка, усыновить, отдать ему всё то, что она должна была отдать родным детям, тогда-то, быть может, эти изнуряющие жестокие галлюцинации прекратятся.

Так появился Ванечка. Галлюцинации исчезли.

И вот опять, как обухом по голове!

— Простите меня, простите, — рыдала она в объятьях Фаризы, и не понимала Фариза, к ней это обращение или к тем, кто говорит с Беловой из метели.

— Бог простил тебя, Бог простил, слышишь! — тараторила Фариза, будто заговаривала. — Вон через что Бог провёл тебя, Он простил тебя, очистил, живи, живи, спокойно, тихо живи...

“Нива” и американский внедорожник ловили фарами струи снегопада и вкручивали их под колеса. Машины ехали быстро. Не собирались сдаваться непогоде.

— Хорошо идёт колымага, — подзадоривал Ветеран Ивана Алексеевича, который управлял “Нивой”-трактором.

— Да вроде не так всё сурово, как Игоревна пела, — согласился тот.

— Так я сразу ей сказал: “Игоревна, не ссы, наши танки везде проедут”, — поддержал разговор Егор.

Сама Игоревна ехала на “джипе” следом. Она молчала, снегопад за окном заморозил её. “Столько лет жила, а вот метели настоящей так близко и не видала”, — думала она, глядя за окном машины немигающими глазами впечатлительной девочки. А красивая, зараза!

— Чего несёшь там? — переспросил её Гирия. Ксения Игоревна поняла, что свои восхищения произнесла вслух.

— Красивая, говорю, зараза. Кутига наша!

— А-а-а! Да у нас всё красивое — Урал же! — странно, но в голосе Гирия сейчас не слышалось бравады. Он сказал это искренне. На сигаретном выдохе. Дыма не было — это председательница заметила — не дым, а слова выдохнул.

Тут они увидели, что впереди идущую машину сильно потрянуло. Она резко встала. Гирия не успел затормозить — “американец” бампером врезался в “Ниву”. Удар был несильный, но обе машины загудели, затряслись, как перед взрывом.

— Ну, чего у них там?! — разозлилась Игоревна. И хотела было выйти, но лишь открыла дверь, разрывающий аорту поток воздуха отбил всё желание.

А у них там, то есть в “Ниве”, всё было спокойно. Но это напряжённое спокойствие — так собираются в атаку, так преодолевают границу, когда везут контрабанду.

Иван Алексеевич надавил на газ. “Нива” дёрнулась, качнулась лодочкой и окончательно встала — фонарный луч зашпунлся где-то в метрах десяти о белую дорогу. Водитель школьного автобуса, привыкший к частому ослушиванию техники, газанул ещё раз. И ещё. Нет, машина продолжала стоять. Краем глаза он заметил, что и внедорожник не может сдвинуться с места.

— Всё! Кина не будет! — ёрничал Егор, за его интонацией угадывалась паника. — Помру, считайте меня ватником. — Егор шутил и никак не хотел принимать в себя сложность сложившейся ситуации: они только выехали и уже встряли. — А тебя, батяня, кем считать? Коммунистом?!

— Меня считайте православным.

Егор даже не нашёл, что ответить, — настолько неожиданным было заявление отца. Один только Иван Алексеевич понял, в чём дело. Они застряли как раз напротив берёзового леса. Где-то здесь раньше неслась к небу каменная церковь. В ней служил священником отец Иов, дед Ветерана по материнской линии.

— Да ты стебёшься, братан! — ухмыльнулся Егор.

Ветерана тон сыночка явно достал. Он насупился. Заржавел щеками. Вспыхнул огнём в глазах. И со всем своим железом в голосе обрушился на Егора:

— За окно смотри! Вдаль смотри! В лес! Там церковь сельская. Разрушена. Гадёныш, ты ж знаешь, что это за церковь! Деда моего церковь! Расстрелянного. В тридцать седьмом. Святого! Понял ты? Я — пьянь поганая, но деда не забуду. Отвечаю. А ты замолкни, скот! Паскуда! Прадед твой ведь!

Пассажиры “Нивы” (помимо Егора и Ивана Алексеевича там были и другие мужики) замолкли, и несколько пар глаз вцепились в пейзаж за правым окном. Они пытались высмотреть храм, его призрака.

Про отца Иова говорили: “У батюшки длинная борода”. Это значило, что приход его был большим. Когда на Южном Урале почти везде большевики позакрывали церкви ещё в двадцатых, здесь, в берёзовой роще под Варино, колокола не умолкали даже в 1935-м. Сбить их с колокольни не дали сами деревенские. “Смену власти мы понимаем, — говорили они, — сами большевики, но при чём тут Бог?” Чиновники из антирелигиозных отделов поначалу увязывались было с варинцами в споры, но диспуты эти разбивались о деревенскую наивность и крестьянскую непосредственность.

Тогда власти решили задушить главный колокол окрестных мест — священника. Однажды батюшку вызвали в НКВД. Следователь в чёрном костюме и в белоснежной рубашке, белобрысый, с глазами цвета неба, мило улыбался, попросил благословения, угостил чаем. И когда отцу Иову показалось, что ничего страшного ему здесь ждать не стоит и можно успокоиться, любезный следователь любезно предложил снять рясу как можно скорее и перейти на работу в НКВД.

На следующий день в дом отца Иова пришёл начальник местной милиции. И остался жить. Вместе с матушкой и тремя “поповскими вырожденками”. Милиционер оказался туберкулёзником. По несколько раз в день он расхаживал по комнатам и плевался налево и направо. Матушка бросалась в ноги, рыдала, умоляла пощадить — дети же крутом. Но навязавшийся квартирант делал вид, что никого не слышит и что всё ему до лампочки, кроме государственных дел.

Вскоре умер старший сын. За ним — самый младший. А ещё через месяц подох сам милиционер. Пошёл в отхожее место и не вернулся. Там его и нашли набежавшие сослуживцы. Там его и сожгли — мараться о заражённый труп желающих не нашлось.

В 37-м отца Иова расстреляли. По очередной деревенской легенде — расстрел проходил в районе Горелого леса. И будто бы через пару дней один из НКВДшников сжалился над матушкой и показал место захоронения.

Матушка посадила на свежем холмике куст обленихи.

Вот, собственно, и всё, что сохранила людская память о последнем здешнем батюшке. Всё прочее сгорело и рассыпалось в жестокой истории XX века, и от самого храма остались лишь камни, совсем не видные с дороги. Только бывалые знали и помнили о них. Иногда приходили грибники выкурить на тёплых удобных камнях пару мятых мокрых сигарет, да бабки на большие праздники зажигали здесь свечку. Восковые огарки любили тереть носом полевые мыши.

Гончарова вышла из внедорожника; одной рукой держась за ручку двери, переступая с ноги на ногу, она умоляюще смотрела куда-то за берёзовый лес.

— Нет, даже не думай, — услышала она спустя минуту обеспокоенный хрипловатый голос. Это Ветеран, он, как и остальные, вылез из машины,

чтобы обмозговать ситуацию. Его глаза мельком пробежались по лицу Гончаровой, но этого оказалось достаточно, чтобы догадаться о её мыслях, — умчаемся только, в такую погоду даже “Титаник” не нашли бы... Ну, чего молчишь?

Остальные тоже догадались, о чём думает их глава, но переубедить её как-то язык не поворачивался. Да и знали они — не переубедить Гончарову.

Ксения Игоревна молчала, молчали и мужики, ёжились, тяжело и глубоко дышали, но по машинам не расходились.

— Так, мои хорошие, — наконец, решила Гончарова, — предлагаю голосовать. Или идём дальше, с Богом. Или идём пить и спать, если сможете. Кто за первый вариант? — сказав это, Гончарова зажмурилась и долго не открывала глаза.

Пережёванный окурок, пробивая себе путь горячей, как лава вспыхнувшего вулкана, головкой, наконец-то врезался в дно пепельницы и зашипел от обиды, что жизнь кончается так быстро — всего несколько затяжек. Его бессовестный владелец, дежурный ромашевского отдела МЧС Александр Андреев уже давно сдал смену, но с работы не торопился, усиленно соображал, как добраться до потерявшихся в кутиге варинцев. Та рухлядь, что стояла в гараже их управления, не проехала бы по такой погоде и километра, к тому же заberi он хотя бы пожарку, припаяли бы потом статью — это же самоуправство. Ничего не оставалось, как идти по знакомым из совхоза, стрелять солярку, а потом — за ключом от К-700. Водитель спецтехники часто забегал к дружкам-спасателям опрокинуть на удачный день пару стаканов пенистого. Усадить самого коммунальщика за руль Андреев даже не мечтал, благо его вообще заставить дома и хоть немного в адеквате.

“Было бы всё-таки хорошо, — думал Андреев, выходя из дежурки, — встретить по пути двух-трёх надёжных мужиков, подсобили бы. А если не встречу, то ладно, — настраивал себя МЧСник. — Бегать по селу нет ни сил, ни времени. Справимся в одиночку. Не привыкать. Облавы на бандитов тоже один устраивал — вечно все перед облавами сливаются: у кого больничный, у кого жена рождает, у кого тётя в Москве помирает... Буран не фрайер, пером не угостит. Лишь бы этот полутырок-полутрактор слушался. А там прорвёмся. А если не прорвёмся, то не замёрзнем уж с подружкой, а? — Вьюга взвизгнула где-то под левым ухом. — Да не ты подружка, есть у меня”. — И спасатель который раз нащупал в кармане настырно просившийся в горло коньяк.

Операция по изъятию ключа прошла гладко. Водитель К-700 пьяной рукой не только ключи отдал Андрееву, но и написал — с помощью жены — бумагу, по которой просил не считать его виновным, если машина пострадает, ведь “таковая была конфискована на нужды МЧС во спасение нуждающихся”.

Вот только сама машина поддаваться бывшему оперу на хотела. Фыркала, дёргалась, заносилась, буксовала — вела себя, как дешёвая путана на трассе во время полицейского рейда.

Андреев со всей своей злостью вдавил газ, вцепился в руль, как в ручки на американских горках, — однажды с женой в Москве на таких катался — и вспомнил весь род свой от святых до себя, мусора-неудачника, и закричал на вьюгу, чтоб расступилась. И ведь расступилась. Поехала машинка, разбрасывая свежий снег по обе стороны.

Если бы метель умела говорить, а мы умели её слышать, то она призналась бы нам, что не так страшна, как её малюют в книжках молодые писатели. Вот и оказавшиеся не по своей вине в её гостях варинцы скорее с этим согласились бы, чем стали бы опровергать. К двум часам дня, спустя десять часов их пребывания в догве у непогоды, они настолько смирились со своей судьбой, что теперь даже рта не открывали. Каждый погрузился в себя. Благо в машине было тепло — достали из багажника баллон. Медичка, Наталья Александровна Белова, успокоилась, даже улыбалась в забелённую пустоту за окном, гордо и в то же время заискивающе. Как русские люди улы-

баются, когда видят смерть. Болезная Ася, до сих пор не понявшая всей радости произошедшего с ней материнства, приспособилась кормить свою девочку грудью — та смачно причмокивала и тоже улыбалась. Карим спал — и очень крепко, не чувствовал суеты тёти, помогавшей Асе с кормлением.

— Прям, Камчатка, приём! — усмехнулся Вележев, переводя взгляд с Беловой и Карима на молодую грудь Аси, к которой сейчас присосался крошечный ротик. От младенца глаза Сергея Ивановича повело на картину за окном. Впереди — заснеженная даль, слева — поседевший лес, справа — туман, это пурга отходит, навьючивая воздух.

— Только бы девочка выжила. Всё равно ведь найдут нас рано или поздно, — уже битый час тренировал своё смирение Сергей Иванович.

Отведя взгляд от успокоившегося пейзажа, снова посмотрел на малышку.

Вележеву вспомнилось рождение его первой дочери. Он был тогда на халтуре, ставил трансформаторную будку на железнодорожной станции, в пятидесяти километрах от дома. Туда и позвонили ему, рассказали, что у жены начались схватки, отошли воды. Как он нёсся тогда на потёртом “Москвиче”, взятом по случаю у начальника станции! Никогда Вележев больше так не разгонял придорожную пыль, никогда с такой силой не сбивал налетающих ос и никогда уже так не чувствовал мир! Сам удивлялся — на скорости, да ещё весь в волнении, а всё видит вокруг и всё ощущает, словно его голого в полевою траву окунают. Вслед за дождём.

Дождь! Когда до Варино оставалось полпути, пошёл дождь. И Вележев впервые в жизни увидел, как он опадает в поле. Косые струи останавливаются в метре над землёй, зависают, расщепляются на тысячи мелких белых капель и, как мука сквозь ситце, осыпаются на траву.

— Надо же, чудо какое! — удивился тогда электрик, которому до своего чуда оставалось ещё минут сорок.

Вележев опоздал. Малышка родилась без него. Но это ли повод для огорчения! Покачав то, что когда-нибудь станет светом или ангелом, Серёга вышел на крыльцо родного дома и упал счастливым вместе с дождём в траву.

Всё это вспоминал сейчас Вележев, глядя на дочку Аси. И снова был счастлив. А грустные мысли гнал от себя, как ветер гнал буран от их машины. Но воспоминания — репейник: просто так не очистишься. Сергей Иванович припомнил, что не обрадовался рождению второй дочки. Корил этот утробный мир за то, что он пожалел для него сына. Упрекал и гнобил жену. Нынче вспоминать об этом было стыдно и болезненно — каждый раз при оглядке на эти неприятные кадры своей биографии его било током под самое сердце — туда, где проводимость пережитого самая большая.

Андреев всматривался в тихую белизну вокруг и задумывался лишь об одном — звонить Дмитричу или Бог с ним, если суждено корявой падле — смерти — его забрабастать, то он уже ничего не сдelaет, а если ещё отмерено пожить, то хоть буран, хоть ураган над ним бушуй — вырвется, дойдёт до цели. Один минус — где эта цель сейчас, неизвестно. Может быть, “Нива” с пятью пассажирами за поворотом, а может быть, до неё километров десять.

Андреев решил бросить заглохший снегоборщик и продолжить поиски пешком. Перед этим не побрезговал снова позвонить Дмитричу, вызвать огонь на себя. Эта идея промелькнула за секунду до того, как он положил руку на ручку двери и приготовился утонуть в снегу.

— Пупсик, любишь меня? — рычал он в трубку пьяному другу.

— Приезжай, вместе бухнём, чё ты жмёшься?

— Короче, я пошёл. А ты, если хочешь, высылай за мной из области технику. Они недалеко, я знаю, федералку чистят.

— Куда пошёл? У тебя чё, горячка, братан?

— Роженица. Из Варино. Я тебе говорил. И ещё четыре человека, братан. Одни, в холод собачий, — проговаривая это, Андреев тыкал пальцами в боковое стекло снегоборщика.

— Ты тут при чём?

— Я буду в красном. Сейчас на районной трассе. От Ромашёво отъехал двенашку. Дальше — на своих. — Окна в кабине запотели, и последние свои

слова Андреев сопровождал схематичными рисунками: узкая дорога, человек, снеговая туча над ним.

— Слышь, Сусанин? — заорал Дмитрич на старого друга, но вовремя опомнился: криком сейчас не помочь, переубеждать тоже бесполезно, и главный ромашёвский спасатель добавил: — Телефон береги!

Финал разговора дежурному понравился. Он заулыбался котом Леопольдом. В его мыслях появилась ясность, в движениях уверенность. Шустро нырнул в красный жилет — спецодежда местных коммунальщиков. Натянул по самые щёки вязаную шапку. Перешнуровал ботинки — тёплые, кожаные, это уже из спецодежды спасателей. Хлопнул по жилету в районе кармана, и, услышав в нем бульканье коньяка, прыгнул в снег. Под ботинками хрустнуло.

От вкопанной машины к седому горизонту потянулись следы сорок четвёртого размера.

Ногтями впиалась в вышитую на платке птицу, в её чёрное с красным орнаментом крыло. Другой рукой забила о боковое стекло. Малышка сорвалась, полетела головой в колени, но не заплакала, с любопытством прищурилась. Асю снова затрясло, заколотило. Она что-то закричала — никто не разобрал. Вележев аккуратно подобрал завёрнутого в соцветие узоров ребёнка и передал Фаризе.

Ася стонала и билась головой о спинку кресла. Её тело, как волна, вздымалось и опускалось, руки вытянулись вперёд и застыли в воздухе.

— Во даёт, — занервничала Белова.

— Вата! — выкрипела сквозь сжатые от боли зубы Ася.

— Чё вата, чё вата? — не поняла медичка.

— Да руки у неё вата! Шары разуй! — заводился Вележев.

— Да что же! Ой, грешная я! Грешная, — тараторила Фариза, — терпи, доча, терпи, моя хорошая!

Заплакал младенец. В левые двери ударило ледяным ветром. Потом такой же удар справа. “Ниву” закачало, как люльку. Ася забилась кулаками о переднее стекло.

— Может, укол ей какой успокаивающий, а? — осенило Карима. Последние часы он говорил мало и сделал всё, чтобы никому ни в чём не мешать, а смешаться с серой обшивкой кресел.

— А ты вообще куда лезешь? Тварь! — Белки Натальи Александровны враз заплыли красным, совсем как в фильмах ужасов. Карим даже успел испугаться. — Ты, убудок, иди вон помощь ищи!

— В метель? — как можно тише переспросил Карим.

— Да хоть и сдохнешь там — не жалко! На кой ляд ты поехал, только место занимаешь, полудурок! Одни неприятности от тебя! Ваню моего чуть не угробил! Тут ещё нервы тратишь!

— Ты чего несёшь опять?! — Вележев видел в залитых кровью глазах Беловой тупость и трусость. И это его выводило из себя всё больше. — Ты сама на хрена поехала? Да у тебя ампулы не допросишься! Стерва!

— Будьте вы прокляты! А ты, чурка, у меня ещё попляшешь! Зараза ты и вся твоя семейка убудочная! — строгала воздух подзаборной бранью медичка.

Жунусов-младший на этот раз промолчал и впредь пообещал себе рта не открывать: в конце концов, не для того, чтобы поцапаться с толстой тёткой его дёрнуло сесть в эту “Ниву”. Не за бессмысленной руганью и даже не ради помощи сестре его толкнуло в эти снега. А зачем? В чём был тут промысел? К этому часу Карим уже надумал себе ответ — он наконец-то увидел перед собой настоящего мужика. Не по телевизору в боевике, а в жизни. И этот мужик был круче неотёсанных рэмбо. Наивные мысли, сказала бы ему учительница, опиши он их в сочинении. Ну и пусть. Наивные мысли рождают мечты. А вовремя увиденные примеры — поступки. Что-то, а их казахский парень совершать умел и хотел. Замолчать перед неблагодарной и бесившей его медичкой тоже было сейчас для пацана маленьким подвигом.

А вот пурга не уступала, качала “Ниву”, Ася тоже не успокаивалась, прыгала на кресле и дико визжала, вытянутые руки её по-прежнему не сгибались.

— Вот скачет, вот скачет, — не то удивлялся, не то восхищался, не то тревожился Вележев. В критических ситуациях по интонации людей не разобрать их эмоций. — Медичка, давай укол, говорю!

Белова лишь зарыдала в ответ и съехала всей своей тушей с кресла, словно спряталась из виду Сергея Ивановича. Вележев понял — уговаривать бесполезно. Только время терять. А его нет — в каждую секунду “наездница” может выбросить новый финт, опасный для себя и других, да и жалко девушку, сколько можно судьбе её мучить.

Надо было снова всё брать в свои руки.

Дальнейшее происходило так быстро и так неловко, что если бы кто по этой истории снимал фильм, то наверняка перешёл бы в замедленную съёмку. Вот Вележев кивает замотанной и перепуганной Фаризе — этот кивок она уже знает. Женщина отдаёт завёрнутую в разноцветный платок малышку Кариму и цепляется за чемоданчик Беловой. Та тянет его к себе и ещё ниже спускается с кресла. Тут над ней нависает Вележев, который перегнувшись через спинку и тоже тянет свои потрескавшиеся руки к чемодану. Белова рыдает, ей кажется — её будут бить, и закрывается от кулаков своей ношей с красным крестом посередине. Вележев забирает чемоданчик себе, ставит на колени, открывает, роется. Вот рука Вележева плывет между сидениями, в ней мелькает ампула. Вот снова та же рука, на этот раз в ней шприц, игла царапает воздух, Белова хочет перехватить иглу, и её ладонь падает на шприц сверху, Сергей Иванович успевает ловко вывернуться. Фариза открывает ампулу и набирает шприц. В это время Вележев не дремлет, ловит руки Аси. Резким движением, напоминающим захват в борьбе, Сергей Иванович вытягивает Асю на себя, кладёт грудью на свои колени. Фариза переваливается через спинку пассажирского сидения, стягивает с племянницы штаны и втыкает в ягодицу иглу. Ася дрыгается, плачет, Вележев из последних сил фиксирует пациентку руками — ей лучше хотя бы минуту полежать на животе.

“Господи, помоги!” — молится про себя Сергей Иванович, он бы и вслух помолился с большим облегчением, да от перенапряжения прикусил нижнюю губу — Ася не из слабых, к тому же всё норовит вырваться.

— Дыши, дочка, дыши, — кричит Фариза так, что даже метель за окном пугается и отскакивает от стёкол как гигантский майский жук, совершивший ошибку при расчёте высоты полёта.

— Меня посадят! Меня посадят! Ванюша, мальчик мой! — рыдает Белова.

— Заткнись, кошёлка! Сил на тебя нет! — психует Вележев и теряет ту самую необходимую силу. Ася выпархивает дикой птицей из ловушки и забивается в свой угол.

— Как есть одержимая! — подытоживает Фариза.

Буран всё истеричнее пробивался к пассажирам, всё больше раскачивалась маленькая, забитая под завязку синяя машина, всё больше напуганы люди, всё громче плакал ребёнок. Всё меньше оставалось надежды.

Со стороны Ромашёво шёл по занесённому шоссе дежурный МЧС Александр Андреев. Всё быстрее закручивалась дорога под его огромными кожаными ботинками, всё назойливее кидал кто-то невидимый в его лицо комья снега.

Дорога проходила мимо старых ромашёвских мельниц. Они уже давно ничего не мололи, кроме облаков и пыли, их крылья почернели от злости на неблагодарных забывчивых сельчан.

“А когда последний раз народ тут собирался? — задумался Андреев, пытаясь разглядеть за белым снежным тюлем чёрные силуэты. — Да недалече, чем прошлым летом”, — вспомнил он. Тогда, как и сейчас, все искали казахскую бестию — Ася снова ушла, не сказав ничего маме. Вместе с ней пропали её тетрадки. “Туда она свои каракули писала”, — как бы насмеялась

Зияда. Она рассказала, что утром они с дочерью поссорились — не хочет ничего делать, только чушки свои пишет, а у меня огород не полот”.

Искали весь день. Вызвали МЧС. Андреев тогда был на выходном, с похмелья, поехал со всеми за компанию — проветриться. На полпути укачало — спрыгнул, где-то вот здесь, где идёт сейчас. Только тогда он напрямик побежал к речке, предчувствуя заранее, как окунётся и как нежно пощекочет его позвоночник течение. Но, подбегая к берегу, Александр заметил в воде что-то странное. Обнажённая смуглая девушка стояла спиной к нему в мутной вечерней воде, яркое, уже краснеющее солнце поливало её лучами. Руки её были прижаты к лицу, и молодое красивое тело вздрагивало. Андреев не сразу поверил глазам — мало ли что у мельниц с похмелья придется.

Рядом с девушкой, вокруг её спины размокала бумага. Течение подхватывало белые листы и то прибывало их к ягодицам, то несло прочь, а то и во все топило. Андреев долго искал возможность заговорить с голой девчонкой, которую в своих мужских возбуждениях он уже испробовал на мельнице. Но слов не находил. Девочка продолжала рыдать.

Спустя минут десять с дороги прилетел резкий сигнал машин. Видение обернулось — Андреев увидел знойную мокрую грудь, уже ко всему готовую и вызывающе торчащую. К его удивлению, девочка не вскрикнула, даже ничего не спросила. Она молча вышла из воды, провожаемая вишнёвыми лучами; на берегу, на молодой рябинке висело её платье. Она даже не повернулась спиной, когда выпрыгивала в него. Дерзко выпячивала всю свою девичность, дразня Андреева и окончательно сводя с ума.

— Ты чё, Русалка? — не выдержал тот. И знает Бог — скажи ему Ася “да” — он бы поверил. Всё сходилось.

— Ася я. Я думала, ты меня ищешь, — продолжала заигрывать теперь уже голосом русалка.

— Да я как бы. Мне по фиг, у меня выходной, — забубнил Андреев, но вовремя осёкся. — А ты что тут делаешь, весь район на ушах.

— Стихи по воде пускаю, — буднично ответила Ася.

— Чё? — не понял Андреев, но посмотрел на воду, где волны омывали белую бумажную кашку.

— Откуда пришли — туда ушли, — напевая звонким голосом, объяснила девушка и села рядом с Андреевым.

— А откуда пришли? — спросил тот.

— Тупой, что ли?

Их нашли подъехавшие на “уазике” местные менты. Уже трясясь в машине, придерживая одной рукой подол платья, другой прикрывая грудь, Ася рыдала на плече Андреева. Никто в тот день не узнал, что сожгла она все свои “чушки” и ещё раз поклялась больше никогда не слушать тех, кто ей надиктовывал.

Голая смуглая в воде. Крепкая и стройная. Мельница. Сейчас бы я её по самое горло! — подытоживал Андреев воспоминания о том дне, и кровь всё наглее подступала ко всем его членам.

Коньяк, надоедливо булькающий в кармане, пошёл в ход. Андреев развязался, сначала под предлогом — так будет теплее, потом — всё равно терять нечего, если не дойду, не найду, задубею прямо здесь, то хоть не обидно будет. Иначе как пацанам там в глаза смотреть, скажут: “Чего ты, Санёк, сам себя не помянул даже? Не по-нашему”. А упрекнуть было кому — уж немало друзей улетело туда, откуда приходит снег.

Отпивал маленькими глотками, шкерясь от очередного порыва ветра. Ещё бы спрятаться от порыва души — но таким покровом человек не одарён.

— Как дурак, лезу под нож метели. Был бы ментом, шёл бы сейчас тут, интересно? — спрашивал он сам себя. Андреев смачивал глотку, стараясь утопить главный вопрос, подступающий изнутри. — А надо было уходить из ментовки-то? Ну, поугрожали, ну, нагнули раком — да хрен бы с ним. Поборолся бы ещё. Засадил бы хоть парочку ещё. Не-е-е-ет, бороться, бороться надо было! Теперь только жалеть и нюни разводить. — Андреев снова опрокинул бутылку, и на этот раз глоток затянулся. Ревнивая к коньяку

непогода пыталась сбить путника с ног. — Все думают — испугался. Да, испугался! Да! Страшно теперь себя руками за шею трогать. Хоть водярой себя изведу. Всё — легче. Кому-то меньше достанется! — Андреев срубил на этом свои мысли страшным хохотом. Он заходился им, согнулся в три погибели и так шёл, пока не ударила в спину накопившая силы вьюга.

За ударом прилетел звук мотора...

Спасатели увидели красную куртку издалека, они знали, кто идёт впереди, и как будто не удивлялись, что этот человек даже не обернулся, а лишь поднял руку с коньяком и жестом показал — за мной. Так продолжалось минут пять: Андреев, ускоряя шаг, а потом и вовсе бегом гнал за собой технику. Мощные спасательные снегоходы, конечно, могли обогнать этого снегирия-чудака, но то ли подумали, что здесь опасная петлистая дорога, которую сейчас было не видно, и лучше следовать за проводником, то ли догадались о том, как важно было этому смелому дежурному ещё какое-то время оставаться наедине с самим собой или хотя бы минуту почувствовать себя тут главным, без кого никто никуда уехать не сможет... Спасатели терпеливо ждали, подпиливая крылья метели медленными гусеницами.

В заметённой “Ниве” слёзы оставались единственным, что вот уже несколько часов выдавало в её бледных и окоченевших пассажирах живых людей. Одиннадцать часов, прожитых на краю надежды и неба, вылились в безоговорочное принятие всего, что с ними происходит, как должного, неизбежного, как чего-то того, что всё равно закончится, ведь и снегопад этот когда-нибудь закончится. Единственное, о чём пассажиры “Нивы” думать себе запрещали, — это о том, каким именно будет финал. Засыплет ли машину раньше, чем их найдут. Или...

Баллон кончился часа два назад, и вместе с ним сгорели последние силы. Тем временем “Ниву” завалило уже по стёкла. Мороз всё больше убивал в пассажирах способность двигаться и отбирал последнее тепло их тел, остужая и сворачивая кровь. Карим за это время несколько раз порывался выйти и отправиться на поиски дороги, людей, хоть какого-то чуда. Всякий раз Фариза его успокаивала, рыдая и причитая:

— Я не возьму на себя ещё один грех, останься.

И что-то ещё подобное, мало кому понятное, но по силе эмоции вполне убедительное. И куда было идти — все помнили, как мотало машину, когда съехали с дороги. Никто в ночи и в панике не заметил, в какой стороне осталась эта дорога. Попробуй её теперь опознай под этим искрящимся саваном! Сиди, Карим, сиди, не дёргайся...

Молчание. В эти часы каждый из пассажиров понял его цену. Молчание делает людей сильнее. Оказывается, это так. И даже выдох становится горячее, чем больше ты молчишь.

А говорить хотелось. И больше других — Фаризе. Казашке хотелось выкричать свою горькую правду. Ту правду, из-за которой все они оказались здесь, под тяжестью неба. В этом казашка была уверена, и даже сам Всевышний — заговори Он с ней — в этом бы её не переубедил. Но Всевышний, видимо, тоже берёт свои силы для спасения других и молчал.

Но на руках Фаризы сопела девчужка, для неё одной надо было беречь силы, беречь дыхание. Малютка по-прежнему была завернута в узорчатый платок, и в этом симметричном переплетении сиреневых и красных цветов, голубых звёзд и чёрно-оранжевых птиц она смотрелась, как бабочка на лугу, как личико расписной матрёшки.

Это был тот самый платок, который мама Аси навязала ей с собой в дорогу, тот самый платок, который Фариза привезла семнадцать лет назад в подарок сестре — поздравить с рождением дочери.

Никто на всём белом свете — кроме двоих — не знал, что то был подарок не Фаризы, а — Еркека Жунусова, отца Аси.

С Еркеком у них завязалось давно, ещё когда все жили в Казахстане, на соседних улицах. Однажды Зияда отправила мужа к сестре занять денежку, всё было обычно — брали в долг часто. И всё было обычно в тот час, когда Жунусов зашёл к родственнице, согласился выпить чаю с мелиссой,

они, как всегда, разговаривали за жизнь, о том, что показывали по телевизору. О погоде, о предстоящих грозах. Фариза привычно достала из кухонной колонки бумажные деньги, привычно положила их на клеёнку стола, гость знакомым движением руки заграбастал бумажки в свой карман.

Потом привычно попрощались, пожелав друг другу мира, и Фариза закрыла за зятем дверь. Но через минуту раздался стук. Сердце тогда, как и в эту ночь, знало — это он.

Она понимала, что грешила, но сделать ничего не могла. Он понимал, что не бросит жену, но и расстаться с Фаризой мужества в себе не находил.

Когда Жунусовы уехали в Россию, Ермек первое время взбивал подушки и грыз кору рябины — так тосковал. При этом сам себе признавался, что любви к Фаризе нет, да и страсть так себе, вот только тянет к ней, как птицу на юг.

Однажды не выдержал. Сорвался прямо с северов. Не предупреждая. В полной уверенности, что и Фариза ждёт, не закрывает на щеколду двери. С щеколдой прогадал. И теперь тарабанил о рейки двери, прогибая их своими кулаками и царапая старое дерево костяшками, он орал на весь подъезд: “Пусти, это я, пусти, говорю, женщина!” — он дышал громко и огненно в дверную щель, так что его спёртое густое дыхание долетало до её груди. “Сломаю, сломаю тебя!”

Спротивляться было бессмысленно. Бесы уже танцевали над панцирной кроватью.... Так начались месяцы тяжёлого счастья с муками совести и блаженством между упрёками...

Когда вскоре после приезда к свояченице казах узнал, что его жёнка беременная и ждёт девку, он заторопил Фаризу:

— Поедь, помоги.

— Да что ты? Я не смогу!

— Заткнись, сможешь. По-бабски поможешь.

— Я ей расскажу.

— Рассказывай.

Этот кухонный диалог слово в слово, крик в крик, повторялся каждый вечер. Как-то в субботу Ермек пришёл с базара с двумя сумками фруктов, а под мышкой держал мешок, из которого торчала цветастая ткань.

Асю подбрасывает от новой конвульсии, ртом идёт пена, лицо синее и уменьшается, как бы тает.

— Отходит, что ль?! — кричит Белова и заставляет Вележева с Каримом бить из последних сил Асю по щекам: — Ей нельзя терять сознание!

Белова растирает роженице ладошки, а Фариза делает то, что считает сейчас самым важным:

— Он и от меня ушёл, дочка, ушёл, слышишь?! Я виновата во всём! Поделом мне. Прости, прости.

— Умолкни, а! Чё понеслось-то? Не до тебя, — перебивает Белова. Но Фариза слишком долго молчала.

— Всю жизнь я мучаюсь грехом этим, всю жизнь. Не прощу себя, но ты прости!

Удар по щекам, пена отлетает на окно, глаза Аси закатываются и покрываются синей паутиной.

— Это я, я виновата во всём, что судьба твоя такая, и болезнь твоя. Я на себя руки накладывала, не получилось. Ради тебя живу, ради тебя... — быстро-быстро собирает мысли Фариза и выплёвывает их, как сломанные во время драки зубы.

Вележев в слезах снова ударяет по щеке Асю, кричит ей, что надо держаться, надо быть сильнее. Белова растирает ладошки и ревет.

— Тебя любила, как его. Ради тебя жила. Ты не можешь уйти, живи, я сказала, живи!

Снова удар по опухшей щеке. И ещё удар. Пена во все стороны. Зрачков не видно, тело больше не ломается.

— Всё, что ли? — неуверенно, чужим голосом спрашивает Вележев и падает спиной на боковую дверь.

Фариза утыкается в платок, которым обернут плачущий малыш, в унисон ему рыдает и рвёт свой рот криком.

Оглушённые горем, обессиленные, потерявшие последнюю веру варинцы не видят, что сейчас происходит за левыми окнами “Нивы”.

К машине прорываются деревенские мужики во главе с Гончаровой.

Они идут из последних сил, то и дело падают, каждый раз неловко поднимаются, но не останавливаются даже на секунду. Они обвязаны одним канатом — предусмотрительно взяли с собой. Канат сковывает движения, но они даже не думают разорвать эту живую цепь.

Они смотрят на “Ниву” и не могут поверить, что получилось, что смогли! Им даже кажется, что это мираж, видение. Желаемое, но не действительное. Только метров за тридцать приходит уверенность, что это действительно та самая “Нива”, машина Вележева...

По заснеженной округе несётся бешеное, счастливое эхо.

Когда до машины остаётся несколько шагов, со стороны леса выныривают спасательные снегоходы.

— Как вы вовремя, Господи! — бросает навстречу спасателям Ксения Игоревна несколько спокойных слов и срывается в истерику.

— Что интересно, когда я вышел на улицу, то услышал над собой грохот и раскаты в небе, — рассказывал мне спустя несколько дней Сергей Иванович Вележев. Я снимал его на видео по заказу московского телеканала. Фрагмент той записи сейчас передо мной. Смущённый, выбритый добела дед, с глубокими, наполненными жизнью глазами даёт первое в своей жизни интервью. — Грохот, значит, говорю. Я думал, честное слово, что с Байконура ракету запустили, голову-то вверх поднимаю, смотрю, но нет, небо чистое, следов ракеты нет. Значит, то кутига напоследок ударила. Сильная, зараза. Никогда такой у нас не бывало. Спасатели-то казашку эту, родившую, схватили — и на снегоходы свои, туда же девочку маленькую. Увезли их, значит, ага, ничего вроде, Асю откачали, по телевизору вчера вон показывали. А что мы? Мы ещё час ждали спасателей, другие уже приехали. Нас вытащили. Торопили всё, орал на меня. А я стою, последнюю облепиху с веток в карман забиваю. Мужики мне: “Дед, ты с ума сошёл?” Но я же не буду объяснять, зачем мне облепиха. Ты вот спросил — не было ли чего мистического? Я тебе рассказал, ты меня понял. Я так думаю, что эти веточки я до гроба сохраню. С собой дочерям накажу забить. Машину мне, правда, обещают новую купить. Такую же. А ту всю уделали. Вон посмотри, не очистить же. Жалею ли о чём, говоришь? Да о чём мне жалеть, обидно только, что дюжину часов ждали, никому не нужные. Спасибо нашим мужикам, если бы не они... Камчатка, приём!.. — Тут Вележев начинает всхлипывать и просит выключить камеру.

“Казашка родила в машине “скорой помощи”. Слаженная работа спасателей не позволила варинцам замерзнуть в машине. По прогнозам синоптиков буран ещё вернётся в наши края. Местные жители называют его по старинке — кутига”.

Из сообщений уральских СМИ.